

В.И. Давыдов

Калейдоскоп жизни Павла Ярового

Прокопьевск 2009

Виктор Иванович Давыдов

КАЛЕЙДОСКОП ЖИЗНИ ЯРОВОГО

Документальная повесть

Прокопьевск
2009г.

ОТ АВТОРА

В памяти каждого человека есть такие моменты, которые ярко запечатлелись в сознании. Яровой, с гордостью за человеческую мысль, вспоминал появление в обиходе крестьянского быта электрической лампочки, волшебное звучание из «чёрной тарелки» человеческого голоса, появившиеся в колхозе первые трактор и «трёхтонка», аэроплан, круживший над колхозными полями. Но первым чудом, которое врезалось в память, стала простая детская игрушка - калейдоскоп, в котором в бесконечном многообразии меняются красочные узоры. Вот и жизнь представлялась Павлу Михайловичу подобной калейдоскопу, картины которой складываются исходя из стечения жизненных обстоятельств, в силу характера, воли сложившейся личности.

...Наша жизнь, сознание и становление личности полностью зависят от людского сообщества, которое мы выбираем и которое окружает нас. Оглядываясь на пройденный жизненный путь, с благодарностью вспоминаем мы тех, чья поддержка на разных этапах жизни оказала на нас духовное влияние. Примером честного, чуткого отношения к товарищам по работе, бескорыстного служения тому делу, которое выполнял, являлся Павел Михайлович Яровой с врожденной вежливостью и интеллигентностью в общении с окружающими, в багажном словаре таких людей, как он, отсутствует «ненормативная» лексика. Работая в одном производственном коллективе, наблюдая за его активной позицией как коммуниста, бескомпромиссного в соблюдении вопросов техники безопасности на рабочем месте под землёй, вожака совета ветеранов, готового по первому зову прийти на помощь, подсознательно стремишься брать с него пример.

Так сложилось, что мы с ним стали соседями, переехав жить на Тырган – перспективно развивающийся район города, к тому же и наши садовые участки оказались в одном дачном товариществе. Много раз заходил к нему в гости, мы беседовали, вели запись жизненных воспоминаний.

К сожалению, быстротечное развитие тяжелой болезни неожиданно оборвало жизнь Павла Михайловича, но он успел ознакомиться с рукописью: «Всю ночь читал повесть и вновь переживал события, что довелось испытать в своей жизни, вспомнил погибших молодых ребят, с которыми лежал в залитых водой или промёрзших окопах, читал и плакал...».

И, наверное, правильным будет, если воспоминания этого скромного человека, ветерана войны и шахтёрского труда, прекрасного семьянина, станут примером подрастающему поколению.

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

*«Я дороги свои перепутал,
По извечному зову судьбы.
Мне давно уже надо на хутор
К пепелищу отцовской избы».*

Виктор Савинков

И по сей день, по истечении многих лет, собеседники Павла Михайловича обращают внимание на небольшой украинский акцент. А всё оттого, что его родители и близкие родственники были переселенцами из Украины. Было это примерно в 1902 году.

Здравомыслящие, передовые умы царской России уже на рубеже XVIII – XIX веков воплощали в жизнь мысль Михайло Ломоносова: «Россия прирастать будет Сибирью!» Самодержавие выделяло подъемные для переселенцев. И подъемные были достаточно весомые, если уж рассудительные мужики решались отправиться в долгий, неведомый путь с семьёй. Добровольным переселенцам разрешалось брать с собой скот, орудия труда, семена и всё домашнее имущество.

Большое значение в освоении сибирских земель имел Московско-Сибирский тракт, строительство которого началось в 1733 году. Он шёл из Москвы через Казань, Екатеринбург, Тюмень, Омскую крепость, Каинский и Чаусский остроги, Томск, Кийскую слободу (Мариинск), Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск до Нерчинска. Трактом пользовались для перевозки почты, различных грузов, пассажиров. По нему гнали ссыльных в Сибирь. Вот по этому тракту на подводах с наступлением весны и отправлялись обозами искатели счастливой жизни, края обетованного.

Заселение Сибири шло пусть и не массовым порядком, но на постоянной основе. С 1801 по 1914 год из Ев-

ропейской части в Сибирь переехало около семи с половиной миллиона мигрантов.

Укоренившись на новых местах, естественно, кто-то ездил в родные места проведать родных, знакомых, друзей и делился, как живут на новых землях. Семейное придание гласит, как в Украину пришел человек и рассказал, что, дескать, за Уральским хребтом необычайные и необжитые никем просторы, много земли, леса. Бери, сколько хочешь. Было бы желание работать, а так в Сибири только топор нужен и пила! Вот и семья Яровых вместе с другими семьями из города Полтавы решила на переезд.

Добирались до Москвы на лошадях, обозами. А в Москве погрузились в вагоны, потому что с 1901 года уже действовала Транссибирская магистраль. Сибирская железная дорога получила название «Великой», благодаря которой удивительным образом сократились огромные расстояния, и возрос приток крестьян-переселенцев в Сибирь.

Дорога длинная, почти полтора месяца потребовалось на преодоление расстояния. Несмотря на тяготы путешествия, не торопились осесть. Оно и справедливо, уж если решились на переезд, то теперь не надо спешить. Всё требуется взвесить с мужицкой основательностью, чтобы потом самим не жалеть о неверном выборе, чтобы дети и правнуки могли быть благодарными.

Хотя вряд ли столь далеко задумывались переселенцы. Скорее хозяйская практичность интуитивно подсказывала им, что их дорога ещё не закончена. Выбирали такое место, чтобы душа почувствовала: вот оно, то самое, на котором жить можно. Причём окончательный выбор принимался сообща, всей передвижной колонией, в которой было не менее пятнадцати семей.

На северо-западе Новосибирской области, в Здвинском районе, есть достаточно солидное село Верхний Каргат. Главной достопримечательностью округа было то, что на расстоянии примерно ста километров находилась железнодорожная станция Барабинск, по которой приезжали люди, словно из другого мира, привозили вести и городские вещи, на которые с охами и ахами смотрели не только девушки, но и достаточно солидные женщины. На эту станцию свозили хлеб из близлежащих сёл.

Вот таким образом и поселились Яровые в селе Верхний Каргат: прельстили земельные наделы, полноводная река Каргат, бескрайние просторы Барабинской равнины с множеством озёр, богатых разнообразной рыбой. Одно из них сказочно-красивое - озеро Чаны. К тому же ранее здесь уже обосновались земляки, радушно встретившие новых поселенцев.

Переселенцев из Украины в селе было много, две улицы образовали хаты украинцев. Одна называлась улица «Полтавская», потому что большинство жителей прибыли и построились здесь из города Полтавы, на улице «Черниговская» жили переселенцы из города Чернигова.

Переселенцы привезли с собой не только предметы домашнего обихода. Главное, что отличало их, обычаи и родной язык. Эти привычки, общение на родном, украинском языке ещё долгие десятилетия отличали их. И мама, Мария Корнеевна, говорила только по-украински. А отец, Михаил Иванович, приехавший из Украины пятилетним ребенком, тем более разговаривал в основном на «украинской мови».

Дедушка, Слыщов Корней Архипович, устроился сторожем на железную дорогу. Но полностью ему даже

обжиться не довелось - в 1903 году взяли в армию. И погиб он, как говорила его жена, бабушка Акси́нья, «в чужой державе». Был он в царской армии в числе тех, кто самоотверженно защищал крепость Порт-Артур во время русско-японской войны. Об этом рассказал его сослуживец, который в смертельном бою вместе с дедом Корнеем был ранен. На поле боя их подобрала японцы, увезли в Японию. К раненым японцы относились сострадательно, не подразделяя на своих и врагов, добросовестно лечили, но у деда Корнея было тяжёлое ранение в живот. А свидетель тех событий выжил, после излечения благополучно вернулся из Японии. Оказалось, что жил он километрах в пятидесяти от Верхнего Каргата. Бабушка Акси́нья, прослышав о счастливо вернувшемся воине, ходила в то село пешком, и он поведал о горькой участи её мужа.

Понято, что в начале двадцатого столетия, как и по всей безграничной России, в Верхнем Каргате не было и намёка на цивилизацию: ни радио, ни света, ни тем более телефона. Крестьяне ничуть не чувствовали себя ущемлёнными, жили натуральным хозяйством и были вполне довольны своей жизнью. Вплоть до революционных потрясений, когда все тяготы в основном пали на плечи простого трудового человека.

Сам момент революции, революционные события 1917–18 годов здесь, в глубинке сибирской деревни, особо не коснулся населения. Но когда Колчак в 1919 году шел через Новосибирскую область, то тревожные события явственно нависли и над ними.

Колчаковцы по деревням заготавливали провизию, нуждались в лошадях и в пополнении своего войска. Так что, если находили прячущихся мужиков, забирали в свою армию, а лошадей отбирали.

Михаил Яровой вместе с другими мужиками, забрав лошадей и овец, уехал на станы. Тогда многие еще жили единоличным хозяйством, и там, на станах, хранили лошадей.

Что такое стан? Тогда выделялось земли помногу. В памяти Павла Михайловича до сей поры живы воспоминания о тех местах: там и болото было, и лес. Человек был полным хозяином надела и волен был делать на этом участке земли всё, что душе хочется.

Мария Корнеевна рассказывала сыну, что колчаковцы пришли в село рано утром, варили - готовили еду впрок. Старики спрашивают у них:

- А что это вы свиней забиваете, а сами едите только баранину?

- Так мы же свиней не едим, потому что мы из Уфы, у нас вера мусульманская. Но в отряде большинство христиан, для них вот и готовим свинину!

Варят они еду на кострах, вдруг прибегает казак из охранения:

- Быстрей, разведка Красной Армии уже на окраине деревни!

Побросали колчаковцы всё и оставили село. На второй день прятавшиеся мужики вернулись.

Агитация по мобилизации в армию проводилась такими словами:

- Мы - красные! Не бойтесь, насиловать и грабить не будем!

Теперь уже в Красную Армию отца Ярового и остальных мужиков вместе с лошадьми забрали. Прослужил Михаил Яровой в Красной Армии три года. После ликвидации колчаковщины какое-то время находился в Монголии, там заготавливали мясо лошадей, овец. Затем мясо грузили на подводы и вывозили в Россию. Обста-

новка политическая была ещё нездоровая, банды по дорогам зверствовали, так что при обозе было охранение из красноармейцев. Пересекли границу с Монголией, на третьи сутки пути под вечер подвёргся караван налету шайки бандитов. В перестрелке солдаты сумели постоять за себя, не только отстояли обоз, но и положили четырёх нападавших.

В 1929 году, Павел это помнит очень хорошо, разговоры среди населения пошли:

- В колхоз перейдем! Всё заберут: и гусей, и уток, и коров...

Мать горюет:

- Да как же жить-то будем? Без коровы разве ж можно прожить, к тому же она у нас стельная!

Жили же Яровые по тем меркам зажиточно: в семье было две коровы, двенадцать овец, так что мясо на столе было в достатке. Однако раскулачиванию не подлежали, потому что глава семейства имел весомые заслуги - отличился перед Советской властью - Михаил Иванович партизаном считался.

Был Михаил Иванович практически неграмотным, но в армии научили читать, хотя и по слогам, он знал все четыре действия арифметики. Так что по грамотности в селе был не на последнем месте. А Мария Корнеевна за всю свою жизнь только одну букву «я» научилась писать, и очень гордилась тем, что при необходимости сама могла расписаться в ведомости этой буквой.

Село Верхний Каргат очень большое: в нём было организовано целых пять колхозов. По одну сторону реки Каргат располагался колхоз имени Тельмана, а на другом берегу ещё четыре колхоза. Земля распределена была меж колхозов поровну. Когда началась запись в коллективные хозяйства, отец вступил в колхоз имени

Тельмана, и мать вместе с ним. Работали в колхозах, как и по всей советской России, практически весь световой день.

По окончании Павлом четырёх классов Михаил Иванович сказал:

- Павел, пора тебе работать наравне с взрослыми. Будешь конюхом!

Дело в том, что отца поставили бригадиром артели, которую создали для строительства сушилки. В бригаде было шесть человек, каждый из которых был не только опытным столяром, но и на все другие дела мастер. Но, как и в каждом деле, для ускорения темпа работы требуются подсобные работники, к примеру, нужен уход за лошадьми. Вот и доверили Павлу ответственную задачу: утром доставить с поскотины шесть лошадей в три ходки, вовремя напоить их, накормить. А после завершения транспортных работ искупать и отправить вновь на поскотину - отгороженное место для ночного отдыха лошадей.

Очень гордился Павел своей работой, гордо восседал на лошади, к постромкам которой была привязана пара лошадей. Доставив этих лошадей, вихрем мчался за другой парой. И как же приятно мальчишке было слышать:

- Это кто же на жеребце вчера проехал по деревне?

- Да это же Павлик!

- Ох, ты! Каков молодец!

Надо представить себе те времена, когда событием для всей деревни являлся приезд простой «полуторки». Так что если на хорошей лошади проедешь по селу, это, то же самое, что сейчас на иномарке щеголять!

Уход за лошадьми оценили в четверть трудодня. Это был уже существенный заработок, который Павел вносил в семью. Он с удовольствием поил лошадей в речке,

водил в поскотину. Когда доверили наравне с рабочими выполнять колхозные дела, то ему уже начисляли целый трудодень, но прежняя оплата, четверть трудодня за уход, по-прежнему сохранялась дополнительно.

Наверное, уместно было бы поразмыслить о том, что же это за вещь такая – «трудодень»? Нынешней молодёжи тем более непонятна эта единица, как эквивалент оценки трудового вклада в течение рабочего дня. Работник колхоза, в зависимости от важности выполняемой работы, мог получить, к примеру, и два трудодня, и, возможно, даже больше. А вот сама величина трудодня устанавливалась правлением колхоза только после завершения всех уборочных работ. Так что заработок в натуральном выражении колхозник узнавал только глубокой осенью.

В натуральном же выражении трудодень оценивался в зависимости от урожая. Как говорится, раз на раз не приходилось. Один год работники колхоза имени Тельмана даже должны остались. А почему – поясним: во время посевной колхозников кормили два раза в день. Оно и понятно, какой работник без еды? И кормили щедро! Но если неурожай, который случился, к примеру, в 1939 году, то и платить-то получалось нечем. Таким вот манером, когда посчитали, остались должны за еду. Зато на следующий год вышло по пять килограммов зерна на трудодень. Председатель колхоза беспокоился за сохранность, боялся самовозгорания зерна, которое может произойти, если не перелопатить вовремя. Так что он сам лично обходил дома колхозников, припрыгивая при ходьбе – был хромым с гражданской войны, и требовал:

- Забирайте свой хлеб, иначе сам буду развозить по домам! Сопреет же в амбарах!

Весной в колхозе отец пахал землю: по гектару и пять сотых. А пацаны, самое большое, осиливали по 0,75 сотых.

- Да, - отговаривались ребята, - у взрослых лошади хорошие!

Пахать - это очень тяжелая работа. Подростки не жаловались, хотя работы было, как говорится, выше головы. Но и на забавы время находили, любили в партизан играть, разделившись в отряды. Или ходили по окрестным лесочкам собирать грибы, ягоду. Наблюдали как утки, сороки, галки, бурундуки, суслики, зайчата и прочие зверушки в природе живут.

Но вот учиться родители ни в какую не давали! Так и говорили, озабоченно потирая в затылках: «И что такое грамота? На кой ляд она на нашу голову свалилась! Нам времени на всякую какую-то грамоту нету, нам работать надобно, а тут напридумывали - грамота! Пустое это, баловство. Наши деды-прадеды жили без неё, и особо не тужили - хозяйство вели справно!»

Однако партийная власть настойчиво проводила линию на ликвидацию неграмотности, шла эта работа и в сёлах. Людям разъясняли, что человек должен быть грамотным. Так что наотрез отказаться обучать детей крестьяне уже не могли, и хоть со скрипом, но отпускали малолеток в школу. Но учились крестьянские дети, как правило, только до четвертого класса. И ничем нельзя было убедить родителей, чтобы их дети продолжали учёбу. Один ответ:

-А зачем тебе больше? Ох, какой грамотей! В семье надобно работать, а не книжки разные читать! Научишься писать, считать, и будь доволен: достаточно для крестьянского хозяйства.

Однако дети со способностями, почувствовав вкус к познаниям, стремились обучаться дальше. Вот и Павел Яровой показал себя любознательным, способным к учёбе. Учитель упрасивал родителей: «Пускай Павел закончит семилетку (в сельской школе было семилетнее образование), грамота пригодится вашему парню в дальнейшем!» Отец согласился, узнав о преимуществах: получив неполное среднее образование, сын сможет поступить учиться в ФЗО или даже в техникум. А, вернувшись в колхоз, станет уважаемым человеком.

Жили в селе дружно. К примеру, кто сейчас даст бесплатно молоко? А тогда сосед приносит крынку молока соседу: «У тебя же нет коровы, возьми молочка!»

Налоги крестьяне платили, как и по всей стране, большие: яйцо и шкуры, мясо и масло. Но всё равно и себе оставалось. И масло оставалось, которое «били» из сливок.

Но зато и работали с утра до вечера. Так что дети маму свою в доме редко видели. Вставала она чуть свет, кормила скотину и уходила в поле. Так вот и получалось, что уходила и возвращалась, когда дети спали.

От вязки снопов (а перевязки, надо пояснить, очень жёсткие, готовились здесь же, на поле, из камыша) у Марии Корнеевны все руки были в порезах, потрескавшиеся. Из этих трещин сочится кровь, и только одно облегчение - смазать кровоточащие руки сметаной.

Бывает, просят под вечер ребятишки:

- Не осталось ли сметаны, бабушка? Дай немножко!

Бабушка, вздохнув огорчённо, отвечает:

- Нету, родненькие вы мои, сметаны! Ваша мамка всю сметану на руки измазала!

Почётом пользовались ударники труда. Не исключением был и колхоз имени Тельмана, в котором шло со-

ревнование с соседями за первенство по вспашке земель, в посевных работах, в уборке урожая. Когда закончили уборку урожая, мать наградили красивым ситцевым платочком за то, что вязала до трёхсот снопов в день. Михаил Иванович же подшучивал:

- Ну что же ты, мать! Не могла больше навязать? Вон, смотри, Аньку, за то, что по 400 снопов вязала, наградили целым отрезом на платье!

Зимой в деревнях тяжело без света, и керосинка (керосиновая лампа) была в доме предметом острой необходимости. Но керосин был большим дефицитом, и выдавался по решению правления колхоза одной семье по пол-литра на месяц. Не густо, потому и берегли керосин только на важные дела, чтобы посветить утром, когда доить скотину надобно. Или когда корова будет телиться, или придёт время окота овец. Тогда без керосинки не обойтись. Так что уроки дети старались делать при дневном свете, иначе не получалось.

Очень увлекся Павел Яровой чтением книг, и родителей заразил этим. Зимним долгим вечером просят его почитать вслух. Однажды принёс из школьной библиотеки книгу «Дети капитана Гранта». А это же такая переживательная книга! И вот читает Павлик книгу, склонившись к открытой дверце русской печи. Домочадцы, затаив дыхание, внимательно слушают чтеца, волнуясь за героев и удивляясь чуду: как же такое возможно, что ровные ряды маленьких буковок рассказывают такие необыкновенные истории? Мать плачет, переживая за героев произведения:

- Ну, когда же это дети найдут своего отца? Полистай, Павлуша, страницы, почитай дальше, может там они уже встретились?

Перелистает Павел несколько страниц, прочитает и говорит с огорчением:

-Нет, не встретились. Всё ещё ищут!

Когда челюскинцев спасали, то мать тоже переживала: «Зачем же детей-то с собой взяли!» И радовались, когда людей с льдины сняли.

Радио в селе только после войны появилось. Работал в колхозе агроном, очень культурный, у него дочь была первой отличницей в классе. У них был приёмник на батарейках. И одноклассники шли к ним послушать, а по радио передавали только физзарядку. А потом по столбам протянули провода и в правлении колхоза на стену повесили чёрную тарелку. Это же такое чудо: из чёрной тарелки слышался человеческий голос! А иногда даже звучала очаровательная песня: «Загудели, заиграли провода! Мы такого не видали никогда!»

Павел уже в седьмой классе перешёл, когда приехал в школу новый директор по фамилии Мичульский, которого сельчане с первых дней стали уважать. Да и как не уважать такого общительного, внимательного человека? Тем более что его боевое прошлое – пулемётчик, участник событий озера Хасан - сделало его героем. В школе Мичульский преподавал географию. Дисциплина на его уроках была отличная, слушали внимательно. А поскольку учебников никаких не было, то всё, о чём рассказывал, ученики записывали в тетради.

Кстати, в те времена колхозники одеты были в овчинные полушубки, а вот фуфайки (модная одежда!) были только у учителей, потому что они были в колхозе самые культурные и авторитетные.

Тогда такого не было, чтобы от работы кто-то отлынивал. Трудились все, и это было обязанностью каждого. Директор вместе со школьниками принимал участие

в летних колхозных делах, наравне со всеми трудился в поле, на уборке урожая. На сенокосе находил время прочитать политинформацию. Любил животных. К примеру, когда начинался перерыв на обед, Мичульский вместе с Павлом сначала кормили лошадей, и уже только после этого сами обедали. Ребята видели в новом директоре не столько преподавателя, сколько товарища, который старше их и охотно делится житейской мудростью.

Особенно подружился Мичульский с Павлом Яровым, всегда брал с собой на охоту:

- Ну что, Павел, подстрелим утку - достанешь?

Уток в те времена полно было, всё озеро заполнено. А стрелять разрешалось только селезней.

- Спроси, Паша, тётю Дашу (тётя Даша - повариха в бригаде), сколько она обрабатывает уток? Столько и добудем!

С тех пор так и пошло: все ребята купаются, а Яровой вместе с директором Мичульским делами заняты: смазывают дёгтем телеги - лошадям же легче будет; проверяют ремни, чтобы не натерло лошадям; точат косы для сенокосилки!

Тогда воспитанием занимались практически все взрослые. Едет молодой парень по селу, останавливают:

- Ну что ты гонишь лошадей, езжай потише!

- Павлик, съезди ещё раз за сеном, а то погода портится... А я председателя попрошу, чтобы тебя направили учиться на тракториста!

В колхозе был тракторист, и от него так приятно пахло машинным маслом, и был он весь перепачканный в солидоле - авторитет для всей детворы! Выучиться на тракториста было мечтой каждого мальчишки.

Раз в месяц приезжала кинопередвижка. Кино «крутили» в школе, там зал большой был. В кино ходили, как на праздник. Парни, что постарше, просились посидеть рядом с киноаппаратом. Киномеханику шапки отдавали, чтобы не баловались. Сколько радости, гордости испытывал тот, кому выпадало счастье услышать: «Чья шапка? А ну, иди, крути, твоя очередь!»

Однажды перед выборами приехали в село артисты Краснознаменного ансамбля, на крыльце выступали. Выправка у них была, ух! Это было для всего села таким событием, о котором делились впечатлениями долгое время.

Друзья Николай Петюшкин и Павел Яровой

В 1940 году, шестнадцатилетним парнишкой, поступил Яровой в училище ФЗО (фабрично-заводское обу-

чение) №6 города Осинники. Рядом находилась шахта «Центральная», куда частенько направляли учащихся ФЗО разгружать лес. Кормили же в училище плохо, а маленький мешочек калачей, что мама в дорогу нагружала, быстро пустел. И парнишки после тяжёлой физической работы выходили из шахты совершенно обессиленные.

Готовило ФЗО специалистов для угольной промышленности по различным шахтовым профессиям. К примеру, подземных электрослесарей и навалоотбойщиков, работающих на машине Шортволлоудер. Можно сказать, это был прототип угольного комбайна. Он подрезал в забое низ угольного пласта, а затем выше, по груди забоя бурились скважины. После взрывных работ уголь грузили лопатами на качающийся конвейер.

Непривычно деревенскому мальчишке было всё в городе. Жили «фзэушники» в общежитии по восемь человек в одной комнате. У каждого свой характер. Трое местных парней, объединившись, чувствуют себя здесь как дома, одним словом - главари. Вот слышит Яровой однажды, что собираются они на какое-то «дело». Договариваются между собой:

- Ты, Колька, ломик захвати, а ты Лёшка – топор!

- Павел, пойдёшь с нами?

- А далеко?

- На васоре постоишь!

- А что такое «васор»?

- А, деревня! Ты даже этого не понимаешь! Просто на углу дома постоишь и если что – посвистишь нам.

Паша про себя соображает: «Ох, ты! Этого мне не надо!» И говорит им:

- Никуда не пойду с вами!

Оказывается, надумали они в ФЗО хлеборезку взломать. В столовой была специальная хлеборезка, отгороженная решёткой и на запоре. Туда даже сторож не может попасть. Если хлеб привозят ночью, то спускают его через люк. Так вот они и надумали тот люк поломать. Но сторож услышал и засвистел в свой свисток. Ничего у них в тот раз не получилось. Вернулись в общежитие злые, набросили на сонного Ярового одеяло, крепко побили, синяки под глазами. Утром приходит мастер за учениками, чтобы в столовую отвести:

- Что это у тебя, Яровой, синяки под глазами?

Они с ехидцей поясняют:

- Он вечером шёл в столовую и упал... на кулак!

- Я тебе дам, на кулак! Ладно, Яровой, переведу тебя в другую группу.

А эти ребята не успокоились, через неделю снова пошли в эту же хлеборезку и разобрали люк. Один из них, самый маленький, пролез через люк, однако сторож и в этот раз был начеку: выскочил, выстрелил и попал одному из них в бедро. После лечения суд был, дали им срок. Учащихся ФЗО как свидетелей и для науки водили на суд.

ПУТИ-ДОРОГИ ФРОНТОВЫЕ

*«Если смерти, то мгновенной,
если раны – небольшой!»*

Слова из песни.

На производственной практике Павел Яровой целый месяц работал в шахте, помогал в ночную смену доставлять крепёжный лес и разгружать его из вагонеток непосредственно в угольных забоях. Однако в тот раз не стал шахтёром, так как после ФЗО направили его работать на Кемеровский коксохимзавод рабочим-подсобником, как

говорится, не по специальности. Впрочем, в начале жизненного пути все дороги равнозначны, и работа на заводе Павла устраивала: освоил токарный станок, нашёл друзей, влился в трудовой коллектив. И, несомненно, достойно бы трудился на заводе, однако начавшаяся война внесла коррективы и в его жизнь. Для рабочих завода объявили «бронь». Оно и понятно, одними боевыми действиями победу не добудешь. Многое нужно для достижения победы: продовольствие, обмундирование, оружие и боеприпасы. Да мало ли чего: с голыми руками армия не может существовать. Как сейчас говорится, должна быть в наличии вся инфраструктура.

Заводская молодежь атаковала военкоматы, но на все просьбы - отказ: «Вы должны трудиться здесь, ваше рабочее место - тоже фронт!» И только в 1942 году восемнадцатилетний Павел с другом Николаем Петюшкиным добились заветных слов военного комиссара: «Пишите заявление!»

После полугодичных курсов школы младших командиров в городе Красноярске повезли молодых сержантов товарняком. Куда едут - не знают! Через неделю оказались добровольцы в городе Звенигороде. Передали их, новое пополнение, в ВДВ (военно-десантные войска): «Будете прыгать с парашютом».

Первый прыжок (всего же их у Ярового 14), естественно, самый памятный. Сидят мальчишки - молодые командиры по скамейкам вдоль корзины аэростата, на определённой высоте наступает момент прыжка, а они слова молвить не могут. Инструктор пристаёт, пытается разговор завести:

- А что, ребята, ваши милашки-то пишут вам письма?

Один из парней, отмахиваясь от назойливых вопросов, сердито буркнул:

- Не пишут!

Когда прибор показал, что нужная высота достигнута, инструктор спрашивает:

- Кто первым прыгать будет?

На Ярового посмотрел, предлагает:

- Ну что, вы будете первым, младший сержант?

Тот пожимает плечами:

- Ну что ж, давайте, прыгну я.

Открыл инструктор поручень корзины, подошли они к самому краю, поправляет инструктор на сержанте бушлат, на спине руками вроде бы расправляет ремни, а потом - раз, и подтолкнул его!

Мысль о том, что фала парашюта выдерживает до тонны груза, вселяла уверенность в безопасности прыжка. Только бы он открылся. Но тревожила мысль о том, что стропа, верёвка длиной в шесть метров, привязанная одним концом к кольцу парашюта, другим к аэростату, рассчитана на груз в сто десять килограммов! Из парней мало кто весил более 60 килограммов. Сможет ли верёвка порваться? Зря тревожились, перегрузка при падении такая, что она лопнула, словно ниточка.

И летит Яровой в свободном полёте впервые в жизни, а в голове слова инструктажа, который проходят все курсанты: «Через пять-семь секунд, если основной парашют не откроется, надо дергать кольцо запасного парашюта». Шесть метров парашют, шесть метров стропы.

А в ушах свист и стремительное падение, всё внутри замирает. В голове же мысль работает молниеносно: «Что-то долго не открывается парашют, наверняка пять секунд прошло! Может пора запасной включать?» И тут хлопок за спиной, и как дёрнет!

- Такое облегчение, и радость оттого, что живу, лечу как птица! Ой, как хорошо! Песни в жизни не пел, а и то готов был запеть! – вспоминает Павел Михайлович.

Приземляются парни один за другим по широкому полю кто как, без синяков и ушибов не обошлось. У Ярового всё складывалось удачно. Слегка подпружинил ноги и, пробежав немного, стопами удачно погасил парашют, который вследствие этого обмяк и упал на землю.

К слову сказать, солдат за один прыжок теряет до двух килограммов веса - кто больше, кто меньше, в зависимости от того, какой силы стресс испытываешь.

А потом, сложив парашют в специальный рюкзак, так приятно было лежать на пожухлой траве в ожидании окончания прыжков всей группы.

День выдался благоприятный, тихий, и прыгали с парашютами несколько групп. В небе раскрывались один за другим парашюты, картина была необычайно красивая.

Павел к своему изумлению заметил, что недалеко от него шлёпнулся сапог. Прилетел сверху! Надо же, они-то в ботинки обуты, а кто-то, видать, и в сапогах шикует!

Друг Николай тут же отреагировал:

- Отдай мне, как раз по ноге, а я поищу к нему пару. Если один сапог прилетел, то и второй наверняка где-то рядом валяется!

- На чужое не зарься! – ответил Яровой. - Мало ли чего не бывает? Ну, слетел с ноги сапог в полёте, и что из этого!

Пошёл с сапогом в руке навстречу только что приземлившемуся парашютисту спросить, не его ли. И ступшевался, когда вдруг заметил, что это молоденькая дев-

чонка. Она ещё не отошла от переживания полёта. Так вот в чём дело! Это девчонки – радистки, и им обмундирование выдали, конечно же, качественнее и поновее. Только сапоги по размеру девчоночьих ног трудно подобрать, выдали из имеющихся в наличии. Потому-то во время прыжка сапоги девчат раньше них и приземлялись! А товарищи-курсанты тут же рады поострить:

- Ну, что, Павел! Раз сапог поймал, придётся жениться! Приглашай на свадьбу!

Оказалась она землячкой, из соседнего села Новосибирской области. Если бы Яровой не был таким стеснительным, то, может, попросил бы адрес. А так остались в памяти лишь только её нежная улыбка и задорные карие глаза. Как бы хотелось знать, удалось ли пережить военные испытания, выпавшие на её долю...

Кормили курсантов не густо: по 750 граммов хлеба в день да похлёбка пустая, в основном рыбная. Потом им уже такой рыбы больше нигде не довелось видеть - какая-то чересчур ржавая!

За каждый прыжок, видно в поощрение, выдавалось по 25 рублей, и курсанты спешили на рынок: надо же чем-то набить желудок, кушать хотелось. Покупали у торговки лепёшку, приготовленную из картошки, хотя торговка и заверяла, что в лепёшке есть и мука. Съешь такую лепёшку, а потом животом маешься.

Поневоле сравнишь, как питались в начале войны, и как при завершении военных действий, когда в наступившее мирное время солдат стали кормить досыта, мяса было, сколько хочешь! И повар даже обижался на то, что солдаты плохо ели:

- Не буду готовить, раз мясо не едите!

Павел Михайлович вспоминает о тех боевых днях так: «Направили нас наперерез отступающим финнам. А

те, надо признать, сражались здорово. Финны - настоящие вояки. Тем более что эти места были знакомы им, потому что это их родина. Так что дрались они отчаянно. Причём на нашем пути были только бесконечные болота, ни деревьев, ни населённого пункта. Питались в основном сухарями. Из сапог выльешь воду, портянки посуше выжмешь, травой сухой внутри голенища протрёшь, и вновь вперёд. Потери большие, осталось в отряде всего три человека».

Рядовой, Миша Соколов из Москвы (он до призыва учился в музыкальной консерватории), пристал к Яровому:

- Сержант! Спеть тебе арию? Очень хочется спеть, можно?

- А что это такое - ария?

- А ты послушай, тебе понравится!

И он начал петь:

«Куда, куда вы удалились,

Весны моей златые дни?

Что день грядущий мне готовит?

Его мой взор напрасно ловит,

В глубокой мгле таится он.

Нет нужды; прав судьбы закон.

Паду ли я стрелой пронзённый

Иль мимо пролетит она?...»

- Пожалуйста, перестань, Миша! Ой! Лучше не пой, не надо! И потом, что это ты такую песню затянул? Думай о хорошем, не загадывай о судьбе... А поёшь ты хорошо... наверное, хорошо. Я всё-таки плохо понимаю, почему ты так слова тянешь? Вот, к примеру, в нашей деревне похоже, как и ты, поют: «О чём, дева, плачешь? О чём слёзы льёшь?...» Так это что, по-твоему, тоже ария?

Засмеялся Соколов:

- Погоди, скоро закончится война, и я вас всех приглашу в оперный театр! И тогда ты узнаешь, что такое настоящая ария!

Больше месяца Яровой с товарищами по оружию был в непрерывных боях, наконец, вывели их на переформирование. Повели мыться в «баню» - в бочке с водой. Одно название – баня. А по сути это металлическая бочка-цистерна с водой. Доливают солдаты в эту бочку кипяток, приготовленный здесь же рядом, на костре. По очереди забираются солдаты в бочку-баню: ой, до чего же хорошо помыться! А главное, радуется солдат тому, чего скрывать, что всё ещё живой! А уж если получил рану из родного дома, то и вообще двойной праздник для него и его сослуживцев.

Каждый день в тревоге. Воины понимают, что не сегодня-завтра могут погибнуть, но об этом стараются не думать. Основное, что в сознании – «надо!» Надо не дать врагу уйти, отрезать ему путь, и уничтожить, чтобы он больше не мог возродиться. И цель была – вперёд, вперёд, вперёд!

Один из военных эпизодов, врезавшихся в память Павла Михайловича, и который до сей поры иной раз переживает во сне, это стремительные события 22 июня 1944 года – форсирование реки Свирь. Сотни солдат, словно мураши, делают на берегу реки плоты для техники: пушек, грузовых машин... Ближе к вечеру, началась трёхчасовая артподготовка. Казалось, что конца грохочущей лавине металла, проносившейся над головами, не будет конца. Каждый солдат, каждый воин томительно ждал сигнала атаки.

Ещё грохотала тяжёлая артиллерия, когда тёмное небо осветилось зелёными ракетами. Вся истомившаяся в

ожидании военная масса людей в едином порыве ринулись к реке. Хотя и летняя ночь, но в воде в обмундировании, со станковым пулемётом, когда от пули погибель грозила, элементарно и потонуть можно.

Какая же живучесть вдруг проявляется в человеке, когда до крови под ногтями цепляешься за пару сколоченных брёвен, плывя под ярким светом прожекторов, сигнальных ракет и разрывом зажигательных снарядов, когда вода кругом пенится от разрывов и всплесков осколков. Казалось, ничто живое не пройдет, не преодолет этот водный барьер в сотню метров. Стоны, гибель боевых друзей, незнакомых солдат, которые в сию минуту вдруг стали самыми дорогими, верными товарищами. Подхватывая друг друга, удерживаясь с трудом на плаву, подбодряя друг друга, отчаянно рвутся воины вперед, на противоположный берег, который не только грозит смертью автоматных и пулемётных очередей, но и обещает надежду укрыться на берегу, окопаться, передохнуть. И на твёрдой земле добить врага.

И преодолели, переправились, враг стремительно бежал. Без особого сопротивления фашистов прошли пятнадцать километров, но на одной из высоток финны встретили шквальным огнём из пулемётов, миномётов.

А в боевом расчёте роты, в которую входил и взвод Ярового, в основном молодые парни, 20-25 лет и редко кому 26. Засели солдаты в балке, к тому же проливной дождь. Пули свистят - головы не поднять. И вновь, как и в каждом бою, погибло здесь очень много.

Павел Яровой в это время командовал расчётом станкового пулемета. Строчит пулемет по бойницам, но без заметного результата. Русский солдат как на ладони, а враг скрыт за бетонным перекрытием. И сейчас перед глазами стоит картина: заряжающий Миша Русанов

подносит очередные две коробки патронов. В этот момент рядом с ним с жутким свистом падает мина. Умирал он недолго от большой потери крови, но в мучительной агонии. Как же точно поётся в песне ещё времён гражданской войны, о скромной мечте солдата перед боем: «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой!»

Вскоре на подмогу остановившейся пехоте подвезли «Катюшу». После нескольких залпов сопка замолкла, а оставшиеся в живых фашисты не могли больше оказать серьёзного сопротивления.

Окопавшись после дневных боёв, послали солдата за ужином, но тот вернулся ни с чем: повара убило. Выдали на всех две каски сухарей.

Через месяц, после пополнения и отдыха последовала команда: «По вагонам!», и «пошли» через Украину. Кругом картина военных последствий: города разбомблены, железнодорожные пути разрушены, в Белоруссии леса вырублены или сожжены.

Доехали до города Галац (город и порт в Румынии, на реке Дунай), здесь пришлось переоборудовать вагоны на их колею. В европейских странах более узкая колея. Составы с боевой и живой техникой сопровождают 7-8 тепловозов - малявки в сравнении с советским паровозом «Иосиф Сталин» («ИС»). А дорога - сплошные «тягуны», ещё бы - знаменитые горы Альпы! Пыхтят натужно румынские тепловозы и ни с места, пробуксовывают колёса. И только присланный на помощь наш советский паровоз «ИС» вытащил воинские составы к месту назначения.

Будапешт еще был занят. Здесь, около озера Балатон, провели несколько суток в сильных боях. Фашист яро-

стно сопротивлялся. У них бронетехника, «ястребки», как коршуны.

И отступление было, и наступление. Но бои шли постоянно с нашим перевесом, в конечном итоге их дожимали, выдавливали из всех нор, как бы ни сопротивлялись. Под городом Секешфехервар из подвала здания прямой наводкой снаряд попал в орудие Ярового, здесь он командовал расчётом пушки. Весь расчёт погиб, и Миша Соколов, несостоявшийся, по вине войны, артист, тоже погиб. Ярового взрывной волной отшвырнуло в сторону. Упал навзничь, ударившись о бульжную мостовую, благо, что каска была надёжно подвязана под подбородком, иначе голова не выдержала бы такого удара. Крепко в тот раз контузило. Уложили медбратья на носилки, приводят в чувство, спрашивают, как себя чувствует. Яровой видит, что у них губы шевелятся, но ничего не слышит, а потому ничего не понимает.

Пишут на бумаге: «В санбат тебя отправим!»

Но тот с носилок сползает и головой трясёт:

- Ещё чего не хватало! Ребята Берлин будут брать, а я в санбате отлёживаться? Нет! Так поправлюсь!

Три дня непрерывных боёв за Вену. Советские самолеты на бреющем полёте полностью господствуют в воздухе, так что фашистская авиация практически не препятствовала продвижению наших войск.

13 апреля 1945 года освободили Вену, столицу Австрии. В армии было такое боевое настроение: помыться, пополнить боеприпасы и снова вперед! Только на запад, завершить эту ненавистную войну в логове врага, и принести на землю долгожданный мир.

Надо заметить, что судьба хранила Ярового: за три года нахождения в горниле боевых действий кроме контузии получил лишь пару легких ранений. Зимние око-

пы, трясина болот, осенние дожди и морозы - всё выдержал молодой организм сибиряка.

Боевые дороги привели в Чехословакию. «Как же нас, освободителей, встречали! – вспоминает Павел Михайлович.- Полно цветов, девушки целуют! Не пойму, что сейчас делается? Забыли, что ли, то время, и почему-то считают уже нас оккупантами!?»

Небольшой городок, столы, аккордеон - остановили колонну. Дружба, объятия, радость, танцы и слёзы счастья. Но война не закончена, и следует команда генерала:

- Вперёд, не останавливаться!

Запомнившаяся картина - встреча с американскими войсками: солдаты в большинстве чёрные, одни глаза сверкают. Встретились дружелюбно, вино было.

После завершения боевых действий, в течение двух лет продолжалась служба в Австрии. В Австрии русских неплохо принимали, в отличие от Венгрии.

Полицейский ведёт двух парней, поймал за кражей. Голод после войны был. А они кричат:

- Солдат! Веди к коменданту! К коменданту нас веди!

Там уже распространён был слух, что русские к населению хорошо относятся. Приводят их к коменданту, который ничего не записывает, только спрашивает:

- Больше не будете воровать?

- Не будем!

Он обращается к старшине:

- Есть там у нас что покушать?

- Да вот куски хлеба остались...

- Ну, отдай им хлеб!

Они наберут в охапку хлеб, уходят и благодарят:

- Спасибо, коменданте!

ДОМОЙ! НА ПОБЫВКУ!

*«А я в Россию, домой хочу -
Я так давно не видел маму!»*

Слова из песни

Отец и мать работали в колхозе. Из редких писем от отца с матерью, и впоследствии из разговоров с ними, Павел представлял, как трудно приходилось людям в тылу.

Очень тяжело жилось людям в войну. Даже жеребца, и того, как говорится, мобилизовали. Отец работал бригадиром на животноводческой ферме. Во всём колхозе оставалось всего четыре мужика преклонных лет. Отец - младший из них, в год начала войны ему исполнилось пятьдесят восемь лет.

До войны колхоз богатый был, купило правление машину - полуторку, орловских жеребцов, быка. В войну всё пришлось сдать для фронта. Потом три года был неурожай, а если в колхозе дела не клеятся, то всё это отражается на жизни крестьян.

Колхозный скот - коров и буйволов - летом пасли с ночёвкой в поле, утром пригоняли на дойку и опять в поле. Уже в то время Барабинский район считался одним из самых продуктивных сельскохозяйственных и животноводческих районов Сибири. Так что колхоз имени Тельмана также был профилирован на производство мяса и молока.

Какое-то время стадо пасли две женщины. Но после случая, когда в одну из ночей напали волки и загрызли телёнка, отказались наотрез:

- Как хотите, но мы пасти в ночь больше не пойдём!

Приехал председатель райисполкома к отцу Павла Михайловича:

- Выручай, Михаил Иванович, сам знаешь, военное время, надо потерпеть! Мужиков в колхозе кроме тебя практически нет, так что придётся тебе по ночам стадо пасти, а днём женщины заменят, чтобы ты мог молотить зерно на машинах!

Действительно, физически трудоёмкой была молотьба зерна, и крутить вручную молотильный барабан женщинам было не под силу.

Так что нелегко приходилось Михаилу Ивановичу. Главная задача для пастуха - это сохранность поголовья стада, которое ближе к ночи сгонялось в определённое место. Основная угроза - волки, которые могут погубить молодняк и разогнать стадо на много вёрст. Но после нелёгкой работы при молотьбе зерна уставший организм требовал сна. Устраивался Иванович полусидя у костра, привязывал к руке одну из трёх собак в расчёте на то, что при появления волков она забеспокоится, начнёт метаться, дергать за верёвку и разбудит. Когда такое происходило, Яровой громко кричал, разводил ярче костёр.

Мать вместе с другими женщинами во время пахоты и посевной ходила за плугом, а осенью молотила пшеницу, веяла, вязала снопы. Спали родители по три - четыре часа.

В войну колхозы выжили только благодаря женщинам, которые вынесли все невзгоды, выпавшие на их долю.

...В начале декабря 1947 года получил Павел Яровой отпуск на три недели, чтобы побывать на родине. Это ли не самое заветное желание солдата!

Погода в тот год в Австрии стояла тёплая (понятно - европейский климат!), и солдату, находившемуся пять

лет вдалеке от Сибири, с трудом представлялось, что в Сибири стоят суровые морозы. Однако собирался в дорогу тщательно. Выпросил сапоги у коптёрщика на два размера больше, чтобы на ноги можно было намотать дополнительно вторую портянку. Друзья раздобыли для него теплые рукавицы.

Отутюжив гимнастёрку, положив в рюкзак сухой паёк и, перекинув шинель через руку, отправился с замиранием сердца, в родные края.

Через четверо суток прибыл на станцию Барабинск. Выйдя из вагона, непривычно обожгло лицо ледяным колючим ветром. Рядом с привокзальной будкой увидел подводу, запряжённую парой буйволов. Две женщины в ватных брюках, в подпоясанных полушубках и возчик, у которого вместо ноги была деревяшка:

- Ты, солдат, чей будешь?

- Михаила Ивановича Ярового сын.

Похлопал по плечам:

- Как же, знаю твоего отца, Михаила Ивановича! Вот радости-то будет им встретиться с тобой! Ты что же, хочешь с нами ехать? Но вот что я тебе посоветую: с нами ты четверо суток будешь добираться. Буйволы - это такая скотина неповоротливая! А ты пёхом за двое суток справишься!

«И что, в самом деле, - решил Яровой, - для солдата сто километров - не преграда! Места знакомые, через каждые пятнадцать - двадцать километров село. Так что в путь!»

И пошагал Павел Михайлович Яровой дорогой, которую хорошо знал. Этой самой дорогой до войны возил на станцию колхозный хлеб.

Пройдя по заснеженной дороге до перекрёстка на первую встречную деревню Новогутово, приостановил-

ся, вглядываясь в силуэты домиков. Ветер стремительно набрасывался на белые струи дыма, исходящих из печных труб. Казалось, сам облик деревенских домов завёт солдата свернуть, отдохнуть. Зимой любой крестьянин пустит путника, поделится последним куском хлеба, отогреет и благословит в дальнейший путь.

Вздыхнул Яровой, надо идти: если в каждую из десяти встречных деревень заходить для передышки, то когда же это он доберётся до родного дома? Плотнее запахнул шинель, чтобы ветер меньше проникал вовнутрь. Завязал покрепче тесёмки солдатской шапки. Ещё раз огляделся по сторонам: вокруг бескрайние Барабинские просторы, редкие берёзовые перелески да ивовые колки, не являющиеся для обжигающего тридцатиградусным морозом ветра, особой преграды. А он, как ни отворачивайся, дует навстречу, прямо в лицо. Пошевелил пальцами ног, вроде бы мороз до них не добрался, а это главное – ноги должны быть в тепле.

В первый день одолел только тридцать с небольшим километров. В деревне Таскаево, в которую завернул переночевать, люди встретили как близкого, долгожданного родственника. Каждое возвращение в родные места солдата, оставшегося живым в кровопролитной войне, было общим праздником. Казалось, что все жители хоть на минуту, да заходили перемолвиться словом с солдатом, спросить, каково там, на фронте было, не встречали часом их родных, не вернувшихся домой. Щедро поделились ужином, сетуя на то, что в дождливое лето этого, сорок седьмого года, страшный неурожай приключился: всё залило водой, поля практически превратились в болота до такой степени, что лошади тонули в земле. Косить было невозможно, все зерновые от обильной влаги полегли. Картофель и тот плохо уродился.

- Ну, садись, солдат, с нами за стол, картошечки поешь.

Хозяйка поставила на стол котелок с горячей картошкой, хозяин большой деревянной ложкой вынимает аппетитно пахнущие картофелины, протягивает сначала гостю, потом двум малолетним сыновьям.

- Жалко, но эту зиму без хлеба приходится обходиться, - вздохнула хозяйка.

Поделился Павел хлебом, который был в котомке. После ужина хозяева долго разговорами не утруждали, солдату нужен отдых перед долгой дорогой.

Переночевал и утром вновь отправился в путь. Скользят подошвы сапог по заиндевелою корке снега, ветер с занудной постоянностью яростно дует в лицо, от колючих снежинок достаётся глазам. Приостановился, повернувшись спиной к ветру, перевёл дыхание. Кругом, до границы горизонта бесконечная снежная равнина, и нет ей конца и края. «Как же складывается порой жизненная ситуация, - рассуждает про себя усталый солдат. – В человеческом обществе так сложно порой найти уединение. К примеру, и не припомню, чтобы за последние пять лет службы довелось оставаться один на один с самим собой. Да и такой надобности не было, потому что человек только в окружении коллектива чувствует себя личностью. Он, естественно, зависим от окружающих людей, но в то же время нужен, полезен им: «приобретая – отдавай». К примеру, в данной ситуации, в которой оказался сейчас, когда на многие километры вокруг ни души, и не на кого надеяться, приходит понимание, как взаимосвязан человек с обществом. И это понимание надо ценить, сохранить в душе, а пока же не поддаваться усталости, нарастающему чувству отчаяния».

Во второй день пути преодолел Яровой большее расстояние, но осознавал, что совершенно выбился из сил, к тому же всё лицо и нос были обморожены. В деревне Новощербачи, в которой остановился на ночлег, крестьяне встречали так же гостеприимно. Сердобольные женщины натёрли Яровому лицо гусиным жиром, уговаривали остаться на день-другой в ожидании попутного транспорта или снижения мороза.

- Ничего, - отговаривался Павел Михайлович, - всего-то один переход остаётся, доберусь помаленьку!

Закрыв лицо подаренным хлопчатобумажным полотенцем, оставив щёлку только для глаз, продолжил свой путь.

А мороз никак не ослабевал, казалось, всё настырнее проникает под шинель. Тело продрогло, особенно ноги, так, что и ступни ног не чувствуются, да и руками уже плохо владеет. Усталость сковывает мышцы, а сознанием Павел понимает: ни в коем случае нельзя останавливаться.

Сколько же оставалось дойти до дома? Десять или больше километров? Сил не оставалось, сердце яростно колотится в груди, а ртом жадно хватал воздух. Присел у обочины дороги на корточки, обманывая самого себя: «Я немного отдохну, а спать не буду! Чуть-чуть отдохну и пойду дальше!»

Но глаза уже закрылись, сладкая теплая дрема наполнила тело. Стало хорошо и уютно. «Ничего, - ещё раз промелькнула мысль в сознании, - сейчас подремлю чуток, и пойду...» И представляется солдату, что входит он в родные сени, мать радостно обнимает, отец за стол приглашает. И все его три сестры ласково, с любовью смотрят на него.

Очнулся Яровой от крепкого толчка в плечо, от которого покатился с насыпи. Возмущенный голос приводит в сознание:

- Ты что же это, солдат! Замерзаешь, что ли? Ну-ка поднимайся!

Взял Ярового под руки. Оказалось, что крестьяне, мужчина с двумя женщинами, на двух подводах за хворостом в лес поехали и наткнулись на него. Скинули они дрова с одних саней, посадили Павла Михайловича, укутали тряпками, сеном и погнал мужчина быков, как можно скорее в деревню.

В ближайшей хате занесли служивого, стали снимать сапоги, а они не даются - примёрзли к ногам. Набежали соседи, слух по деревне пронесся: «Солдат с фронта домой шёл и в пути замёрз!»

Пожилая женщина растирает руки и ноги Ярового гусиным салом, причитает со слезами:

- И что же это ты, солдатик, так обморозился! На лице живого места не осталось – сплошной волдырь! Как же мне тебя жалко, ведь и мой сын где-то всё ещё воюет, хотя война проклятая давно уже закончилась, а на второго похоронку получили!

Но ничего этого не слышал Яровой, тело пылало жаром, и сам он был без сознания. Влили в рот ему самогонки свекольной, на печь уложили, накрыв тулупами.

И то ли тепло русской печи и гусиный жир да закалка солдатская, а может чудодейственный отвар, которым через каждый час поила крестьянка, но утром Павел пришёл в себя. Проснулся мокрый весь - пропотел. Осмотрелся по сторонам, со слезами взглянул на женщину и облегченно произнёс:

- Здравствуй, мама моя! Пять лет я к тебе, родная, шёл, наконец-то я дома!

Обняла мать сына, крепко прижала к себе, причитая сквозь слёзы:

- Как же это не признала я тебя сразу?

... словно единый день промелькнули две недели, простился с родными и поехал назад, в свою часть.

Когда командир увидел вернувшегося отпускника, не признал сразу:

- Что это ты Яровой, весь в каких-то бляшках?!

Вскоре приняли Павла Михайловича Ярового в партию. В политотделе части принимали, вопрос запомнился:

- Товарищ Яровой, а зачем вы вступаете в партию?

Подумал Яровой и говорит:

- Чтобы строить социализм!

- Хорошо, а подробнее? В какой должности служите?

- Командиром отделения.

- Ну, а как в вашем отделении дела идут?

И тогда сообразил Яровой что сказать, добавил, что, будучи коммунистом, постарается добиться того, чтобы отделение стало передовым.

Через пять дней выдали партбилет, и с тех пор, вот уже более шестидесяти лет, с 1947 года по настоящее время, П.М.Яровой состоит в партии. Было и остаётся у него твёрдое убеждение, что член партии должен служить народу, быть примером и помогать другим словом и делом. Таким он и остаётся всю свою жизнь, вплоть до сего времени.

Вскоре вызывают в политотдел, предлагают Яровому и ещё двум сержантам направление на учёбу в школу командиров:

- Получите звание лейтенанта и останетесь на сверхурочной службе!

Яровой не колебался, для себя давно решил, что он мирный человек, и будет трудиться на производстве.

Ждут, не дождутся солдаты: когда в Россию, на Родину? Им говорят:

- Ну, что вам, плохо здесь, что ли? Почему так рвётесь домой? Ведь международное положение ещё не стабильное, а служить в армии - значит, обеспечивать мирную жизнь! К тому же вы знаете, как сейчас нелегко в тылу, голодно, не хватает жилья, продовольствия...

- Да мы всё это понимаем. Всё это так, но всё же хочется в Россию! Как поётся в песне: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!»

Ветеран Великой Отечественной войны
Павел Михайлович Яровой

Боевые друзья

Павел Яровой (справа) с медицинским инструктором

Память десантной службы и
фронтальной жизни в Карелии

Пулемётчик Ваня Гордиенко

ШАХТЁРСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

*«Мужество и труд соединя,
От угля под тёмным потом знойны,
Люди, вдохновившие меня,
Мрамора и вечности достойны!»*

Виктор Савинков

В Кузбасс из освобождённой Западной Европы Павел Яровой прибыл в конце марта 1948 года. Ещё на фронте познакомился с прокопчанином, который уговорил поехать жить и работать в этот город. Рассказывает Павел Михайлович:

- Город Прокопьевск мне сразу понравился, и я решил остаться здесь жить и работать. В конце сороковых годов город давал стране много угля. С шахт ежедневно уходили десятки гружёных углём вагонов. Я сразу понял: это настоящий город-труженик. У нас не было ручных часов, и начало рабочих смен люди узнавали по сигналам гудка, звучавшего на каждой шахте в 6, 7 и 8 часов утра. И эти звуковые сигналы заставляли людей спешить на работу, не опаздывать.

В апреле 1948 года Яровой пришёл устраиваться на шахту № 3-3-бис (в 1971 году переименована в шахту «Центральная»). Запомнились Павлу Яровому, когда впервые зашёл в комбинат, «молнии» на дверях кабинетов. Удивился очень, прочитав одну из них: «Проходчик Василий Иванович Кошкин работает на сто восемьдесят процентов! Равняйтесь на него!» Восхитился: «Ух, ты! Как здорово работают ребята!»

А ведь так это и было, трудовой накал в шахтёрской среде «три-три-бисовцев» всегда был высоким. Ну, а уж перед праздником тем более все стремились выдать больше угля, метров проходки. Организация труда была чёткой. Перед сменой обязательная «пятиминутка» в

красном уголке, со сцены выступает председатель шахткома Николай Кондратьевич Комаса со словами: «Предыдущая смена шахты выдала угля на полторы тысячи тонн больше установленного задания, а вот шахта «Коксовая» дала больше нашей! Так что от вашей смены зависит, чтобы нам выйти вперед!»

Когда пришел устраиваться на работу, начальник шахты Иван Ефимович Стахеев спросил:

- Какое образование?

- Семь классов.

- О! Хорошо! Пойдешь машинистом проходческого комбайна.

Трофейный угольный комбайн. Но у этого комбайна не было двигателя, и отправили его в ремонт. Будущим машинистам пока платили по тарифу, и тариф большой - 48 рублей. В ожидании восстановления оборудования горняков посылали на погрузку угля. Яровой два дня был откатчиком порожних и гружёных вагонов. Потом направили в проходческую бригаду Фёдора Кирсанова.

Стал Яровой работать в мелкой нарезке. Слово «нарезка» непосвящённому непонятно. Чтобы добыть уголь из многосотметровой пачки угля, толщиной от полутора до двадцати метров (попробуйте только вообразить такую угольную массу, хранящуюся в недрах земли!), необходимо провести множество вспомогательных выработок – подземных коридоров. Эти вспомогательные выработки вкуче и называются нарезкой, в которых работать ни в коей мере не легче, чем, скажем, добывать уголь непосредственно в лаве или под щитом.

Сам бригадир, Фёдор Кирсанов, отличным был проходчиком. Работал фанатично, а потому не каждый в бригаде горел желанием идти с ним «на пару», так как «пахать» приходилось на протяжении всех восьми часов

в полную силу, на совесть. Взял он Павла Ярового, как новичка в горном деле, к себе в напарники. И взял, как говорится, в полный оборот.

В тот раз вела бригада проходку промежуточного штрека. Чем на большее расстояние продвигается штрек, тем тяжелее и дольше происходит выгрузка угля из забоя, потому что применявшиеся в те времена качающиеся конвейеры были редкостью на шахте. Приходилось грузить уголь лопатами в тачку и перевозить в грузовую печь. А это расстояние доходит порой до двадцати метров. Тачка загружается, конечно же, с верхом. С таким грузом без должной сноровки не справиться, да и физически крепким надо быть.

К тому же проветривание тупиковых выработок скверное, не хватало вентиляторов в заводском исполнении. Послевоенная угольная промышленность ещё не в состоянии была поставлять на шахты вентиляторы в должном количестве. А потому применялся древний способ проветривания: от вентиляционной печи по почве штрека прокладывали сколоченную из плах деревянную трубу - желоб, в которую с помощью самодельного вентилятора загоняли воздух. Однако эффект достигался небольшой и в забое штрека почти не ощущалось струи свежего воздуха.

Из-за чрезмерной физической нагрузки и недостатка кислорода Яровой к концу рабочей смены выбивался из сил, от обильного пота становился мокрым, как мышь! В очередной раз слабла хватка рук, и тачка опрокидывалась, уголь рассыпался по всей ширине штрека. Бегом, без промедления, в забой за лопатой, чтобы подобрать уголь. А время бежит в стремительном темпе, восемь часов рабочей смены пролетают единым махом.

Ругает крепко Фёдор напарника за то, что не может с тачкой справиться. Выражений не выбирает:

- Мы должны и можем продвинуть штрек за смену на два с половиной метра, а из-за твоей безалаберности тереям столько времени! В результате штрек продвинули всего на один метр с лишним... И что, спрашивается, в итоге заработаем?

Конечно же, обидно слышать ругань, порывается сказать в ответ:

- Да пошёл ты...!

Но останавливает то, что моложе на целых четырнадцать лет, к тому ж воспитан в уважении к старшим.

На смене с ними работала мотористка Аня. Вплоть до семидесятых годов в шахте много женщин работало, особенно в военное время, когда трудились они даже на сугубо мужских профессиях - забойщиками и проходчиками. Называл Яровой мотористку «тётя Аня». А она только посмеивалась недоумённо:

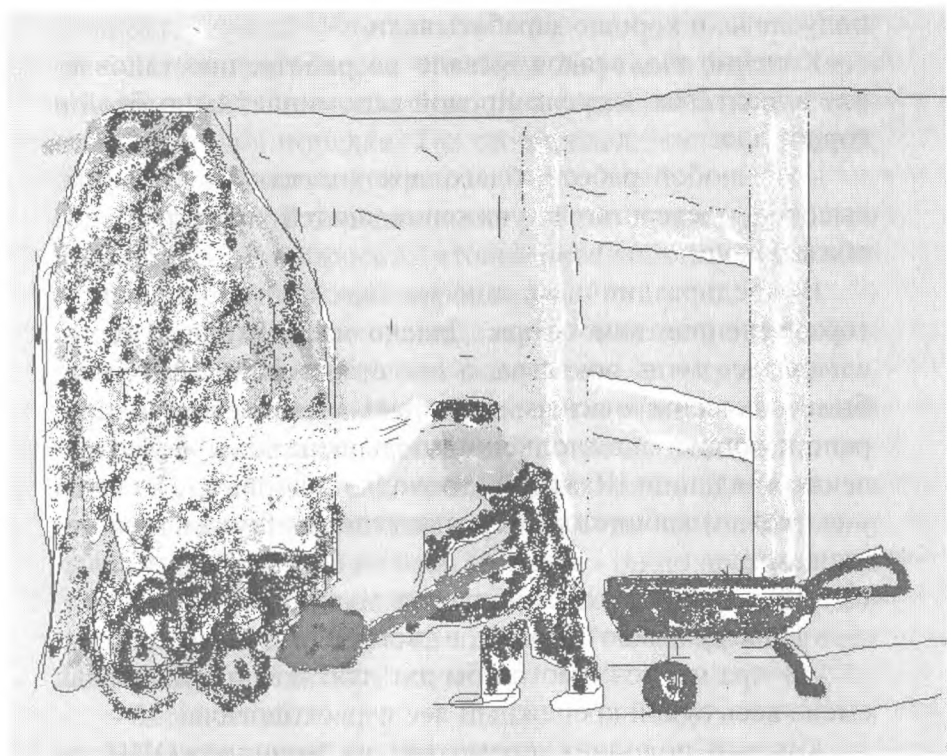
- Почему тётей зовешь? Старше тебя всего-то на шесть лет!

Так она заступилась, услышав, как бригадир «воспитывает» Павла:

- Что ты его, Фёдор, материшь! Он же, смотри, весь в поту, гимнастерка вся мокрая! У него же и сил-то нет, а ты только и знаешь, что ругаться!

Укорила она его, нет ли, но с тех пор материться бригадир перестал.

К тому же, как говорится, заело Павла Ярового: как это он не может с какой-то тачкой справиться? Стал спускаться в шахту раньше всех: заготовит крепёжный лес, тщательно выстелет из плах «дорогу», да так, чтоб ни одна из них не качалась, чтобы лежали ровно, стык в стык. Тачку по такой дорожке катить намного легче.

Затяжка как, крепёжный материал, закончится, Яровой поднимается на поверхность по шурфу без промедления. Тридцать метров вертикально вверх на одном дыхании.

-Это сейчас я не могу ходить, - грустит Павел Михайлович, - а тогда для меня выскочить по шурфу - минутное дело! Шустрый был!

Как-то незаметно от физической нагрузки Яровой натренировался, в руках сила появилась. Уверенно три цикла, то есть по три отпалки за смену, делали. И так с

Фёдором сработались, что стали понимать друг друга с полуслова, и хорошо зарабатывали.

Конечно же, всякое бывало на работе, но становление в шахтерской среде Яровой вспоминает с улыбкой и гордостью:

- На любой работе, благодаря упорству и желанию, высокое мастерство и уважение людей придут к тебе обязательно!

В предпраздничные дни на шахтах города царил торжественная атмосфера. Далеко на подходе к шахте слышалась медь оркестра, а все стены фойе комбината были обклеены красным: листовки, стенгазеты, молнии, рапортующие о выполнении повышенных производственных заданий. Шахтёры, проходя по коридору к своим участковым кабинетам, перекидываются шутливыми репликами:

- Что, Гриша, это в твою честь музыка играет?

- Почему в мою? Может, в твою честь!

- Вчера мы тоже могли бы две ленты взять, да первая смена весь сухой крепежный лес израсходовала!

Каждый подойдёт, посмотрит на молнии: «О! И ты сюда попал! Чем ваш рекорд отметили? Наверное, ты больше всех торта съел, или ты торт не брал? Только пил шампанское!» Смех, шутки и стремление к работе. Вспоминая старые добрые времена, Павел Михайлович Яровой не скрывает своего мнения:

- Да, тогда и город-то весь был работающий! Если сейчас город торгующий, то тогда был работающий!

У шахтёров все разговоры были о работе, в трамвае только об этом говорили и спорили: «Вот ваша смена больше всех дала, потому что сам начальник участка был в шахте, воодушевил вас своим трудом. Поэтому и дали больше угля!».

Года два или три назад подходят к Павлу Яровому и говорят:

- Павел, ты знаешь, что Федя Кирсанов лежит парализованный? Он о тебе спрашивал, как ты? Мы ему сказали, что ты в порядке. Так он передал, что ты, Яровой, лучший коммунист шахты!

Искренне за товарища по работе огорчился Павел Михайлович, попросил, чтобы передали за эти слова «спасибо» и чтобы он поправлялся.

Прошло какое-то время, стал в горняцкой среде Яровой равноправным членом коллектива, его трудолюбие, добросовестное и уважительное отношение к товарищам по работе снискали уважение. Вскоре вызывают в партком, к Герману Алексеевичу Калежирину. До этого на втором этаже комбината, где кабинеты администрации шахты, Яровой ещё не был. Поднялся он по лестнице: по одну сторону кабинет начальника шахты Ивана Ефимовича Стахеева, а напротив на дверях табличка: «Парторг ЦК ВКП(б)». Ох, ты! Заходит:

- Здравствуйте!

- Вы кто такой?

— Яровой.

- Пришло на вас из горкома учётное личное дело.

Расспросил секретарь коротко, откуда, какое образование, о семье. Все рассказал Яровой.

- Ставим вас на партийный учёт и первое вам задание - подготовьтесь к выступлению на общем шахтовом партийном собрании по вопросу: почему так много шахтёров обжигается кислотой аккумуляторных светильников?

Это было первым выступлением Ярового, к которому готовился со всей ответственностью. В ламповой распросил зарядниц и слесарей, которые рассказали, что

многое зависит от заводского брака: у большинства ламп уплотнение крышки с батареей плохое. Поговорил с шахтёрами, большинство которых жаловалось на большие очереди за лампами. Люди подсказали, что следует сделать, чтобы от недостатков избавиться.

Выступившие вслед за Яровым, работники ламповой и горняки подземных участков, подтвердили эти факты. По анализу недостатков в работе светильников была проведена встреча с ведущими конструкторами завода «ЗОЛХ». После этого нареканий со стороны шахтёров на светильники стало гораздо меньше.

СТУДЕНТ ГОРНОГО ТЕХНИКУМА

Специалистов на шахтах города постоянно не хватало. К примеру, с высшим образованием на 3-3-бисе были только начальник шахты Иван Ефимович Стахеев и главный инженер Фёдор Михайлович Терёхин. Ещё с десяток горных техников, а остальной надзор, как это говорится, выдвигенцы, то есть за деловые способности продвигали, но грамотёшки им, конечно же, не хватало.

Руководство шахты направило Павла Михайловича Ярового на учёбу в горный техникум. Зарплата на период учёбы сохранялась.

Нелегко было учиться, потому что давно со школьной скамьи. Но учителя помогали фронтовикам. Да и желание учиться было большое. Основной упор делался на горное дело. Этот раздел вел директор горного техникума Григорий Петрович Ирисов и заведующий Арсений Семёнович Мокринский. «Горную механику» преподавал Павел Фёдорович Пак и «Горные машины» - Пётр Васильевич Павлов.

- Мы, фронтовики, - Павел Михайлович улыбается, - все позабыли, особенно по математике трудно было и по русскому языку. Бывало, напишешь диктант: ошибок - вся страница в красном! Учитель поправит и даёт задание дома проработать все ошибки, запомнить, правила повторить.

А по математике студентов восхищал своими способностями преподаватель Пак, который стремительно писал формулы на доске. Мел буквально летал по доске, и формулы, казалось, сами собой возникали из-под его руки. Студенты не столько в формулы вникают, сколько восхищаются глубиной его знаний, и робеют перед этой мудрёной наукой, с которой он так свободно и легко справляется.

Запомнилось шутовское высказывание Пака о самом себе:

- Эта голова тысячу формул знает!

Для студентов, присланных с шахт для повышения знаний, все занятия в техникуме были очень интересными. Тем более, что военный период лишил возможности своевременно получить образование. И они слушали лекции, можно сказать, с разинутыми ртами. А после уроков сами просились на дополнительные занятия.

Павел Яровой защитил диплом в 1952 году по теме «Разработка пласта «Горелый» щитовой системой». Произвёл расчёты: сколько потребуется леса, железа и прочих материалов. Отразил вопросы безопасности работ на щитовом участке. Надо сказать, что не вслепую делал, а со знанием дела, потому что уже довелось самому видеть в шахте, как водят щиты.

Шахтёры не подвели, учились старательно и экзамен выпускной все слали.

ПРОКОПЬЕВСКИЙ

ГОРНЫЙ
Т.У.С.

Мохаммадиев Д.С.

Чирсов П.И.

Пильосhev П.В.

Пак П.Ф.

ТЕХНИКУМ
Р.У.М.

Кузнецов В.В.

Кузнецов В.М.

Шербakov М.Л.

Шербakov В.Д.

Василев С.К.

Дыбов А.Д.

Стоянов Н.М.

Желязков Н.И.

Чаиков Н.Я.

Рассоловский Н.М.

Чаиков Н.Я.

Кузнецов В.В.

Кузнецов В.М.

Шербakov М.Л.

Шербakov В.Д.

Василев С.К.

Дыбов А.Д.

Стоянов Н.М.

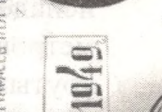
Желязков Н.И.

Чаиков Н.Я.

Рассоловский Н.М.

Кузнецов В.В.

Кузнецов В.М.

Шербakov М.Л.

Шербakov В.Д.

Василев С.К.

Дыбов А.Д.

Стоянов Н.М.

Желязков Н.И.

Чаиков Н.Я.

Рассоловский Н.М.

1949

1950

КОМАНДИР МЛАДШЕГО ЗВЕНА

*«Я был и буду горняком, и долю не
ищу иную!*

Но часто думаю о том,

Что не пора ли в глубь земную,

Как в космос, дальше заглянуть?

Не менее то славный путь

В широком поле для деяний!»

Николай Давыдов

После техникума Яровой вернулся на шахту, поставили его горным мастером. Начальник участка Андрей Захарович Купцов сам в шахту водил, показывал, какие выработки и где находятся. Познакомился Павел Михайлович с коллективом и начал работать горным мастером.

За уголь боролись ответственно, даже откатчик говорил: «Мастер, иди наверх, в забой, организуй добычу, а мы здесь без тебя выгрузим уголь! Твоя задача - дать уголь, иначе мы с твоей смены уйдем!» Заинтересованность налицо - платили от выполнения месячного плана. К примеру, если план выполнили на 105 процентов, то и зарплата будет выше за счёт премии.

Старался новичок, спрашивал у других. Ведь старые мастера, как правило, люди, которые работали в шахте много лет и под щитами, и в лавах. У самих забойщиков спрашивал. Требовать ещё не мог, не чувствовал морального права: они же в лаву, словно в комнату заходят, хотя над головой нависла грозная порода. И такими ненадёжными кажутся потрескивающие от натуги трёхметровые стойки – стволы сосен. У мастера на участке с крутым падением нелёгкая рабочая смена. Как минимум три раза необходимо подняться на обрезной штрек, а к двум часам дня надо спуститься на основной и передать

обстановку очередной смене, доложить, сколько угля будет добыто и где работать новой смене.

Начальники, такие мастера угля, как Саклаков, Агеев, Андрей Захарович Купцов - все из трудармии, выходцы из семей кулаков, все грамотные. Фёдор Иванович Гвоздев, например, сын священника. Талантливым организатором производства был Михаил Григорьевич Парханюк много лет работавший начальником участка. Будучи неграмотным, упорно работал над собой, был постоянным читателем технической библиотеки. Михаил Григорьевич подходил к работе творчески, не только внедрял новые системы отработки, но и сам внёс много усовершенствований исходя из условий залегания угольных пластов на шахте. И его участок, как правило, всегда находился в числе передовых. Были в народе такие самородки.

Потом стали техники приходиться на шахту горными мастерами, помощниками, начальниками. Однажды прислали на шахту инженера - выпускницу Ленинградского горного университета. Зинаида Алексеевна Гуляева поработала немного помощником начальника участка, затем её поставили начальником вентиляции.

Народ на подземном участке был разный. После сроков восьмого года прибыли на шахты украинцы, высланные с Западной Украины, их называли «бандеровцами». Один забойщик назвал так мотористку, так она в партком пожаловались. Парторг вызвал этого забойщика, да как дал жару:

- Ты какое право имел так называть? Что ты знаешь о бандеровцах? Что знаешь о том, как она сюда попала?

Забойщик потом извинения попросил:

- Дуся, извини, что я так тебя назвал!

Много было и власовцев, бывших солдат, которые воевали на стороне фашистов. С одним из них у Ярового конфликт получился. Однопутевой штрек тогда проходили. Бригадир на груди забоя намечает мелом, где следует бурить перфоратором. Постелив предварительно на почву железный лист, отпаливают, а затем лопатами выгружают оторванную породу. Работа физически очень тяжёлая, а нормы такие, что справиться с заданием - большая проблема. Но приписывать, как другие мастера, Павел не мог, не хотел нарушать закон. Впрочем, такие же конфликтные ситуации возникали у него в работе и позднее. Работая мастером-взрывником, обязательно добивался от забойщиков перед взрывными работами выполнения всех производственных процедур: хорошее проветривание, осланцевание забоя, наличие предупреждающих знаков. И сам принимал активное участие в устранении недостатков.

И вот приходит он в тот раз в забой, производит замер ухода, и проходчик, здоровенный мужик, схватил Павла Михайловича за горло:

- А! Ты никогда не припишешь? Сейчас в вагон тебя погрузу, сверху породой закидаю! И никто не узнает!

По всему облику видно, что теряет контроль над собой, руки сжимаются всё крепче, так, что дыхание перехватило.

Его напарник, маленький такой, ему и говорит:

- Серёжа, да брось ты его, потом отвечать придётся!

Отпустил проходчик мастера:

- Иди, жалуйся своему парторгу!

На горле Ярового чёрная отметина получилась. Жена спрашивает дома:

- Что это у тебя чёрное на шее, Паша?

- Да так, - отвечает, - воротник тесный надавил, а я не обратил внимания.

Позже встретил как-то этот человек Ярового и говорит:

- Ну, ты оказался мужчиной, не пожаловался!

Благодаря женщинам, которых в шахте в 50–60-ые годы работало много, в горных выработках, если можно так выразиться - хозяйский порядок поддерживался, на погрузочных пунктах подземных участков было очень чисто. Женщины строго следили за тем, чтобы даже на рельсах не было пыли! Иная тряпочкой потрёт по рельсам, в крайнем случае, чуней по ним проведёт. И вагоны на погрузку угля, из-за подъёма в сторону погрузки, легко затягивались лебедкой, а груженные без особых усилий выкатывались вручную!

Потом, когда Яровой стал работать взрывником, такого порядка уже не стало, потому что всех женщин вывели из шахты, и подсобных рабочих стало меньше. В результате привычной стала такая картина: рельс почти не видать, лебёдка тащит вагоны практически по почве. А на замечание люкогрузчику:

-Что ж ты делаешь, колёс не видать! Ты же канат порвёшь!

Услышишь ответ:

-У механика канат ещё есть, новый поставит!

Кстати, в сороковые, пятидесятые годы сапог-то ещё не было, сначала чуни носили, потом боты, и то только горным мастерам выдавались. К чуням, как к обуви, приноровиться надо: сначала на ногу портянку потуже намотаешь. Только потом обуваются чуни и крепятся завязками. Ведь чуни, это же практически те же тапочки, только литые из резины. И ведь умудрялись шахтёры в таких чунях ходить в обводнённых забоях и ног не мо-

чить. Всё благодаря тому, что водоотводные канавы чистились строго по графику. Впрочем, и позднее, когда появились сапоги, в выработках с повышенным выделением воды не каждый мог сохранять сухие ноги. И причина не только в том, что сапог рвался, а скорее в собственной нерасторопности. Ведь при каждой шахте имеется мастерская по ремонту сапог, но после смены торопишься домой, к семье, к детям. И подсознательно отмываешься: «А, ладно! В другой раз сдам сапоги в починку!». В результате на следующий день спускается такой шахтёр в шахту в худой обуви. И хорошо ещё, если, замочив ноги, выкроит минуту в жёстком ритме работы, портянки отождёт покрепче, в инертной пыли покатает, чтобы не такими влажными были. Отряхнув, сапог надевают на ногу, и вновь с головой в работу, по возможности избегая воды.

В течение нескольких лет работы горным мастером пришли опыт и уверенность. Пока не случилась неприятность. Горный мастер на смене без подсобной силы буквально разрывается на части, чтобы успеть во все забои, пытаюсь одновременно организовать выгрузку, проконтролировать ход работы в трёх – четырёх забоях и многое другое. В том числе вести контроль хода взрывных работ.

Работал в смене Ярового молодой взрывник. Производственная обстановка потребовала присутствия горного мастера в отдалённом забое, когда в лаве производилось крепление забоя. Поскольку взрывные работы здесь производиться будут не скоро, только в конце смены, Павел Михайлович вынужден был подписать путёвку о производстве взрывных работ заранее: не успеет вернуться вовремя и тем самым ход работы задержится.

Взрывник, поднявшись на промштрек и неловко проходя над «головкой» конвейера, потерял равновесие и уронил в углеспускную печь сумку с аммонитом, все двадцать килограммов. Если бы он сказал об этом сразу, то люкогрузчики, конечно же, эту взрывчатку обязательно нашли бы. Но он смалодушничал, решил, что и так всё обойдётся. А взрывчатку, естественно, «выловили» на обогатительной фабрике. Поскольку бумажная оболочка взрывчатки пронумерована и отмечена в книге выдачи, то по наряд - путевкам сразу стало ясно, кому был выдан аммонит.

Небрежное обращение с взрывчаткой - серьёзное ЧП. Прибыл на шахту горнотехнический инспектор Иванов, и напрямиком в кабинет директора. Вызывают вскоре Ярового, который, как говорится, «ни сном, ни духом». Инспектор кричит:

- Признавайся, что хотел взорвать: горком партии или комбинат?

Яровой не из тех, которые оправдываются. Согласился с обвинением, хотя его согласия и не требовалось:

- Да, подписал путевку, что аммонит израсходован полностью. И я должен отвечать наравне с взрывником!

Перевели Ярового в откатчики, а он особо и не переживает: «Отработаю и спокойно, не отчитываясь ни перед кем, иду домой!». И жена радуется: «Как хорошо - домой стал рано приходиться!»

ЗАБОЙЩИК КУРТ

(Рассказывает Павел Михайлович)

Заходим в автобус (нас уже после работы стали возить по домам автобусом), Курт Рейтенбах жалуется:

- Устал сегодня, голова болит!

- А что ты делал, что так устал?

- Начальник попросил: надо печку по скважине пробить за смену. Пришлось выручать, целых восемнадцать метров печи пробил!

- Да ты, наверное, привираешь?

- Не веришь? Тогда горного мастера Харламова спроси!

Да разве ж не поверил? Такой жадный до работы забойщик, каким он был в то время (Курт Рейтенбах в настоящее время живёт в Германии, и когда приезжает в гости, соскучившись по друзьям и Сибири, то непременно заходит проведать), ещё и не на такие трудовые подвиги был готов.

Расскажу, как он организовал в тот раз свою работу. Дело в том, что со ската были пробиты через каждые шесть метров две сбойки. На каждой из сбоек для Курта подготовили по электросверлу. Таким образом, Курт бурил скважины из этих сбоек. Бурил шпур в двух направлениях: вверх и вниз. Взрывник, придя на верхнюю сбойку, приступает к заряданию шпуров, а Курт в это время бегом по трапам спускается на шесть метров ниже. Затем взрывник приходит в нижнюю, где Курт подготовил для него новые шпур, а сам спешит в верхнюю сбойку. Таким вот образом и работал без отдыха ровно восемь часов. Как говорится, многозабойным методом, двумя электросверлами. В результате Курт пробил печь на восемнадцать метров по скважине, хотя и без крепления, но все равно, впечатляющий результат.

Невысокого росточка, а шустрый был! Когда на пенсию вышел, то занялся кролиководством. Выращивал столько зверьков, что мясокомбинат ему, как лучшему кролиководу, легковую машину выделил специально для того, чтобы легче было возить кроличье мясо. До пяти-сот кроликов в год сдавал!

А как я с ним познакомился?! У нас на шахте озеленением занималась инженер Галина Капранова. Мы, ветераны, с ней контачили, постоянно помогали шахте в рекультивации, производили лесонасаждение засыпанных шахтовых провалах. Вот она мне и говорит однажды:

- Землю привезли для подсыпки в лунки под саженцы, а какой-то мужик почти всю землю увёз! Три раза уже подъезжал. Это же надо, какая наглость!

Я дождался, когда легковая машина в очередной раз подъехала к куче земли, и подхожу, чтобы разобраться с безобразием. А это и был тот самый Курт Рейтенбах. Он мне пояснил:

- Не беспокойтесь, никуда на сторону эта земля не уходит! пожалел женщин, им тяжело вёдрами носить землю, вот и подвожу на машине!

Так разрешилось недоразумение. Вот так и познакомился - замечательный человек!

РАБОТА ДО «СМЕРТЕЛЬНОЙ» УСТАЛОСТИ. (Рассказывает Павел Михайлович)

*«В глубокой мгле рабочую карьеру
Поодиночке выстрадать нельзя,
Спасибо за терпенье вам, за веру,
Друг друга не предавшие друзья».*

Виктор Савинков

Вспомнил момент, когда устал чрезвычайно. Довелось в рассечке по пласту «Горелому» работать на монтаже щитов с бригадиром Петром Васильевичем Кригером. Тоже немец! Надо признать, что немцы – добросовестные, хорошие работяги! И их на шахте со мной много работало, взять, хотя бы хорошо известных в своё время передовиков нашей шахты, таких, как забойщики братья Курт Евгеньевич и Евгений Евгеньевич Рейтенбахи, помощник начальника транспорта Александр Иванович Гебель, начальник участка Вячеслав Евгеньевич Тизенгаузен, электрослесарь Владимир Умбедахт.

Петр Кригер славился на шахте тем, что у него был самый лучший инструмент: топоры, кайла, лопаты. Случалось, что даже воровали у него инструмент, но он обязательно приносил новый. К примеру, топор у него всегда из хорошей стали, тщательно отточен. Да это же так естественно: потратить время, чтобы заточить, и потом таким инструментом вдвое легче работать.

Дали нам как-то сложный наряд во вторую смену, а третий напарник (обычно в рассечку втроем ходили) заболел. Начальник предложил в помощь нам лесодоставщика, но Петр Васильевич отказался: «Сами справимся!». Идем в шахту, повернув с главного квершлага в наш штрек, встретили смену, которую меняем. Рассказывают о том, что хотя и трудно пришлось, но справи-

лись – полностью уложили первый слой накатника. Наша задача: накатать за смену следующий, второй слой. Говорю:

- Зря отказались, Петр Васильевич, без человека сложно придется! Тем более что накатины придется за-таскивать на первый слой, вдвойне трудно!

- Да что толку от новичка! Только отвлекать будет, пришлось бы разьяснять да учить его: это вот так, а это - эдак... А мы с тобой хитростью да мудростью... Глядишь, и выйдем из положения!

Рассечка на вентиляционном штреке. Штрек немного с поворотом. Так что по прямой накатник - лесину - в рассечку не затащить, приходится заводить с помощью ломика. Накатник для щитового перекрытия состоит из шестиметровых лесин, в поперечнике до полуметра! Не только затащить требуется, но и уложить определенным образом по восемнадцать штук в каждом слое в шесть рядов, чтобы получилось одно, мощное перекрытие, стянутое здоровенными болтами и переплетенное толстым канатом.

Цепляю я канат лебёдки к очередной лесине, а бригадир лебёдкой подтаскивает к нише - рассечке, почти на ходу перецепляю канат за противоположный конец, поправляю по ходу движения ломиком. И с помощью лебёдки и моей расторопности, накатина как милая ложится в положение, которое нам требуется. Кригер, пока я разматываю канат от лебедки до следующей лесины, вырубает в бревне канавку под крепежный болт.

Забойщики третьей смены застали нас на рабочем месте, когда мы последнюю, восемнадцатую по счету, накатину укладывали на место.

За работой бригадира нельзя было наблюдать без восхищения: словно артист, каждое движение отточено,

ни одного лишнего. Конечно же, он устал, но, по-моему, не так, как я. Мне в жизни довелось всего несколько раз до такого изнеможения доработаться, когда еле-еле на ногах держишься. Хорошо ещё, что пассажирский поезд нас дождался, а то бы я, пожалуй, так до утра здесь, на пласту и остался бы!

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ – СЕМЬЯ

*«Я знаю, что земля такая есть,
Где можно это всё обнять руками,
Где этому всему пылать и цвести
За самыми далёкими веками!»*

Виктор Савинков.

Четыре года жил в общежитии Яровой. Конечно же, была мысль о том, что пора и семью завести. Как же это без семьи – надо и о продолжении рода побеспокоиться, иначе, в чём смысл жизни?

Добился. В ноябре 1952 года, как фронтовику и передовику производства, выделили «финский» домик площадью тридцать квадратных метров: пять на шесть метров.

Из всей обстановки - пара стульев и самодельная кровать, и ещё были ведро с кружкой. В этом ведре приносил воду с шахтовой мойки. А потом заметил, что иногда по улице на санях провозят воду в большой деревянной бочке, и соседка делает запас. Эту воду в школу № 40 подвозили. И, наверное, возчик часть воды продавал. «Дай-ка, - решился Павел Михайлович, - и я спрошу!». Подходит:

- Здравствуйте, бабушка!
- Здравствуйте! Что, воды нету?

- Откуда? С шахты вот по полведра ношу. А сколько, дедушка, будет стоять ведро воды?

- Много не надо. Если кусочек хлеба остался, то для лошадки дашь, вот и будет плата. А где ж ты живешь, солдат? (Павел Михайлович всё ещё донашивал армейские гимнастёрки). В гости пригласишь?

Пришли, осмотрелся гость, попросил разрешения закурить:

- Сам-то не куришь? Жаль, угостил бы тебя! У меня отличный самосад, такого в Прокопьевске больше ни у кого нет, сам выращиваю в огороде, и состав собственный готовлю... Ну, что же! Посмотрел я на твоё жилище и удивляюсь, как же ты здесь живешь? Стены-то насквозь просвечивают, и это в декабре месяце!

Яровой заверяет его, что жить можно, потому что после того, как натопит печь, жарко становится. Уголь отборный, хороший, и привозят его с шахты по заявке на три месяца. Если растопить печь до красна, то часа два можно спать, правда, если клопы сильно не кусают... Вот если бы ещё одеяло раздобыть, то можно было бы и подольше поспать без добавки угля в печь. Под одной шинелью сильно не согреешься.

Покачал головой Иван Захарович Орешкин - так звали нового знакомого:

- Да, у тебя здесь работы много! Первое дело, надо заткнуть все дыры. Конопатить же у тебя нечем. Так что жди весны, а вот по весне собирай по болоту мох, сдирай его и суши. Я тебе помогу проконопатить. От этого мха никакое насекомое в квартире не заведется!

И по отечески поинтересовался:

- Куда ходишь, кроме работы? Не дело молодому мужику бобылём в квартире сидеть! Приходи к нам, у нас собирается много ребят и девчат.

Рассказал Иван Захарович, что у него восемь детей, что сделал он пристройку к дому, в которой молодежь собирается под гармошку танцевать, песни петь. Девочки песни поют да вышиванием занимаются. Одним словом, частный клуб культуры и отдыха!

Стал Павел Михайлович частым гостем семьи Орешкиных, и вскоре подружился с его 19-летней дочкой Леной, она тоже работала на шахте № 3-3-бис машинистом лебедки на терриконике. Предложил ей пожениться, но Лена колебалась. А младшая сестра заявила:

- Если Ленка не пойдет за Павлика, то я подрасту годик и пойду за него замуж!

Иван Захарович ей говорит:

- Ты это брось! Сначала старшая сестра должна выйти, а потом уже и ты пойдешь.

Не сказать, что жили богато, хотя семью Павел Михайлович обеспечивал. Тем более что никогда не имел пристрастия к выпивке, курению. Одно мешало спокойствию семейной жизни - чувство ответственности Павла Михайловича к порученному делу. Как это называется, закон единства противоречий? С одной стороны, что плохого в том, что человек имеет щедрое сердце, выполняет большую общественную работу, помогает людям в решении их житейских проблем? Но как же часто он сам переживал за то, что его внимания, времени, которое отдано общественным делам, порой так не хватает семье.

Работая в шахте горным мастером или мастером-взрывником, после смены он редко когда приходил сразу домой. Как ответственный коммунист (он выполнял обязанность пропагандиста, секретаря первичной партийной организации), спешил в подшефную школу. Не угомонился он и после выхода на пенсию, когда выбра-

ли председателем совета ветеранов. На шахте до её закрытия было более двух тысяч пенсионеров. А это вопросы быта, проживания, посещение больных, обеспечение углем, встречи с подшефными школами и училищем.

В семье появились дети, они подрастали, и в крохотной комнатке стало тесно. Да ещё и шахта «Северный Маганак» работала под ними. Дом покосился, из-под пола угарный газ стал выделяться. Практически опасно жить в таком доме. Почти все дома по улице «Читинская» подпадали под снос, как подработанное жильё. Вскоре и Яровых включили в список шести семей на получение квартиры. Но когда началось распределение, оказалось, что квартир-то вместо шести выделили только пять! Естественно, лишней в списке оказалась семья Павла Ярового, так как профсоюз и партком посчитали, что партийный Яровой ещё потерпит, не станет возмущаться.

Огорчились с женой: что делать? Решили утром пойти на приём к высокому начальству: Елена Ивановна пошла к директору на шахту «Северный Маганак», а Павел Михайлович - в дирекцию «Прокопьевскугля». Кто бы мог предположить, что с женой они больше не встретятся. Никогда.

Кроме обещаний Павлу Михайловичу в объединении ничего не могли дать. Заверили, что теперь-то они точно в первую очередь получают квартиру. Также и директор шахты «Северный Маганак» не смог ничего утешительного сказать Елене Яровой, кроме: «Ждите следующего распределения». Расстроенная пошла она домой. И на обратном пути её сбила легковая машина. Насмерть. И по сей день Павел Михайлович винит себя за её гибель:

- Всё из-за того, что я для себя ничего потребовать не мог! Это и Лена мне всегда говорила, и дети...

Двадцать лет прошло после гибели жены, но о том, чтобы подыскать себе другую спутницу жизни, никогда не задумывался.

Воспитали Павел Михайлович с Еленой Ивановной детей: дочка, Татьяна Павловна, работает бухгалтером в травмбольнице; сын, Вячеслав Павлович, был электрослесарем на шахтах «Центральная» и «Зиминка», в настоящее время на пенсии. Есть внуки и правнуки. Внучка работает кладовщиком. А дети сына в школу ещё ходят. Дети и внуки приходят в гости, помогают дедушке скоротать долгие зимние вечера.

Двадцать три года назад приобрёл Яровой садовый участок и привязался к земле. Всего пять соток земли обеспечивают семью практически всеми овощами. Для этого приходилось находиться на участке во избежание появления незваных гостей. Рядом сосед хороший, ветеран труда Михаил Харламов. Выйдут два старика, покричат, пошумят на всю округу, и у них, и по соседству ничего не воровали. Но последние три года редко удаётся выбраться за город из-за перелома ноги. И радуется, когда дети свозят на природу.

Павел Яровой с женой Леной

Семейная фотография

В кругу семьи

Сын Вячеслав (слева) во время прохождения службы на Дальнем Севере

Дочь Светлана в двухлетнем возрасте

Правнучка Маша в свои пять лет осваивает игру в шахматы

В своём саду

Добросовестное служение Павла Михайловича Ярового отмечено многими боевыми и мирными наградами.

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

Что отличает в характере Ярового, так это то, что пройти мимо проблемы другого никогда не мог, обязательно постарается помочь. Эту его черту вскоре почувствовали жители улицы «Читинская» и избрали председателем уличного комитета.

Для строительства финских домов было выбрано место бывшего картофельного поля. И теперь, когда жители полностью заселили эти дома, в весеннюю и осеннюю распутицу улица превращалась в сплошную полосу препятствий. Не будешь же дома сидеть днями напролёт: старшим на работу идти надо, детям - в школу. Грязь выматывала, самой ходовой обувью были резиновые сапоги.

Шахтёры, добравшись на шахту, прежде чем зайти в комбинат по полчаса соскабливали грязь с обуви.

Задумался Яровой, как бы помочь людям. Поделился проблемой с заместителем парторга Александром Трофимовичем Степаненко, который удивительно быстро решил вопрос: тут же позвонил на шахтовый лесной склад, располагавшийся на Низменном посёлке:

- Есть ли у вас какой неходовой лес?

- Есть - горбыли, мы не знаем, куда его девать!

- Сейчас придёт от меня человек, погрузите машину, он скажет, куда!

К вечеру гружённый с верхом «студебеккер» доставил материал на улицу. А с утра следующего дня собрались соседи, стали пилить плахи и укладывать прямо на почву, без каких-либо лежачков.

Когда ж это было? Аккурат под первое мая 1954 года. В черте города тротуары ещё преобладали, и только-только начиналось асфальтирование центральных улиц. А это же на окраине города, и вдруг - тротуар! Особенно

дети довольные были, они не ходили по деревянному тротуару, а вприпрыжку бежали в школу.

Этих плах хватило чуть больше, чем на половину улицы, только до дома знаменитого в то время бригадира забойщиков Михаила Григорьевича Лещенко, члена теркома профсоюза угольщиков. А раз он оказался последним, до кого «дошёл» тротуар, то и стали остальные жители попрекать:

- Себе выстлали дорогу, а как другим?

С этого началось, узнали Ярового, стали звать попростому «Павлик», а он и не возражал.

- Это Павлик постелил тротуар, - покатила молва от одного к другому. – Хороший, хозяйственный мужик!

И когда состоялись очередные выборы в местные советы, то выбрали Ярового депутатом Центрального райсовета. Начальник шахты № 3-3бис Николай Вячеславович Вайниканис был избран депутатом городского совета. Вскоре у Павла Ярового с директором установились тесные отношения по совместной общественной деятельности.

Первое, что сделал Павел Михайлович, став депутатом, это организовал перевыборы председателя уличного комитета. Сам-то он на этой общественной должности работал без председателя товарищеского суда, без заместителей. А теперь, будучи депутатом, организовал выборы помимо председателя уличного комитета и эти должности.

На три улицы была одна водокачка. Кажется, не так и давно это было, а, поди ж ты, уже и позабылась та привычная картина: тянутся женщины с ведрами на коромыслах, занимают очередь и начинаются разговоры обо всём на свете. О детях, о том, что с мужем поскандалила из-за очередной выпивки, или делится радостью - новый

комод с полочки мужа купили. Так что большинство жителей улицы наличие единственной водокачки вполне устраивало. Говорили:

- Удобно, пока стоишь, все городские новости узнаешь!

Но со временем стало проявляться недовольство. Воды для хозяйства много требуется, не только на еду, а ещё и помыться, и постирать надо. А из-за очереди много времени и сил теряется.

Намекнул Павлик (его по-прежнему так именовали люди) на собрании жильцов о том, чтобы надо бы поставить водоколонку на своей Читинской улице. Мужики было возмутились:

- Да ты что, за это же надо будет большие деньги заплатить!

Но женщины поддержали:

- Вам, мужикам, конечно, без разницы, потому как считаете, что ходить за водой - не мужское дело! А вы потаскайте-ка с наше, тогда по другому заговорите!

Вскоре образовался актив, который решал все организационные вопросы, среди активистов Екатерина Григорьевна Лепницкая и Пётр Павлович Димулин.

Посчитали, до последнего дома Ивана Игошина расстояние километр и сто метров. Значит, каждому работоспособному мужику предстояло прорыть траншею не меньше, чем по три метра. Но Николай Вячеславович Вайниканис пошёл навстречу:

- Не надо копать! В городе есть трофейный канавкопатель - используем технику!

Некоторые ни в какую:

- Я не пущу! Колёса топором порублю! Мне твоя вода даром не нужна - если понадобится, то три ведра и с водокачки принесу!

Вот такая темнота, как говорится, в умах людей была на заре цивилизации!

И Лена, жена депутата, возмущалась, масла в огонь подливала:

- На кой чёрт ты носишься по бесконечным своим общественным делам, как дурачок? Да я два ведра воды принесу, и нам хватит! А мыться к маме схожу. У них колодец есть!

Действительно, о городской бане мало ещё кто имел понятие, мылись в жестяных корытах. Как-то трудно представить сейчас такую картину: закрываем двери, чтобы ненароком кто незванный случайно не зашёл, греем на печи воду, заливаем в корыто и моемся!

Сколько же было против рытья нового трубопровода! Однако уговорили постепенно, стали копать, а проблему с трубами снова Вайникайнис решил:

- Дам вам трубы – людям надо создавать удобства!

Прислали людей с «Водоканала», которые стали укладывать чугунные трубы, запрессовывая одна в другую. Хорошо делали, качественно. Намечали сделать три колонки по улице, но люди быстро поняли, что к чему и теперь уже стали требовать, чтобы воду в каждый дом провели:

- А если ночью вода понадобится, что нам, в колонку, что ли ходить?

Пришлось по ходу работ внести коррективы, и через год в каждом доме был кран с холодной водой.

Надо признать, что из-за активной общественной деятельности было много неприятностей в семье. К примеру, однажды собрались с женой и дочкой в кино. Возле кинотеатра остановила соседка:

- Где справедливость? Вы, депутаты, спокойно ходите в кино, а у меня курей украли! Это что же такое, люди

добрые! Как же жить на свете: у бедной женщины последних трёх курочек украли! Помогите, люди добрые!

Успокаивает Павел Михайлович:

- Ну что вы паникуете, приходите завтра, разберёмся, займёмся поиском ваших куриц.

- Да о чём вы говорите? От них, от моих бедных курочек ни косточек, ни пёрышек не останется! Надо сейчас искать!

Вздыхнул Павел Михайлович, извинился перед женой:

- Сходите в кино без меня, а потом расскажите.

Пришёл с женщиной в райотдел милиции, представился, попросил срочно заняться пропажей. Направили наряд с розыскной собакой, которая от курятника резво взяла след, повела до дороги, но перед самой дорогой остановилась, тычется из стороны в сторону – потеряла след. Взял поводырь собаку на руки, перенёс через дорогу, и она снова взяла след. Так что уже через полчаса похититель кур, живущий в этом же районе мужчина, был найден. Две курочки вернулись к хозяйке живыми и невредимыми, а третью получила уже потрошёную.

Павел Михайлович, выполняя работу народного депутата, не подразделял проблемы жильцов своего округа на большие или маленькие. К каждому запросу жителя своего участка подходил внимательно, и стремился положительно решить проблему. А потому пользовался большим уважением и любовью. И когда его перевели на другой участок, жители улицы Читинская организовали делегацию в Горсовет с просьбой оставить Ярового их депутатом. Но им пояснили, что в связи с тем, что шахта № 3-3-бис переведена в Зенковский район, то и избирательный округ у него стал другим. в этом районе.

Посещая доверенный участок, депутат Павел Михайлович Яровой обязательно брал с собой председателя уличного комитета, и вместе беседовали с жителями улиц «Российская» и «Покровская» об их жизни, вникали в их проблемы. Люди обращались за помощью по самым разнообразным вопросам. Однажды старики улицы «Российская» на вопрос: «Как поживаете?» пожаловались, что не могут спать по ночам из-за того, что молодые парни гоняют мопеды по улице, сняв глушители с выхлопных труб.

Обсудив с «уличным», решили провести уличное собрание. Начальник Зенковского райотдела заверил:

- Я лично приду к вам на собрание!

Убеждать никого долго не пришлось: подростки повинились, родители заверили, что проконтролируют дальнейшее поведение своих детей. А один из отцов провинившихся готов был даже разломать мопед на части. Но его успокоили, посоветовав ребятам выбрать другое место для гонок.

Через какой-то промежуток времени поинтересовался Павел Михайлович:

- Как, дедушка, не беспокоят больше ребята?

- Спим спокойно! Теперь парни ведут мопед по улице вручную, за шахту Дзержинского, и там гоняют его.

Восемнадцать лет трудился Павел Михайлович на ответственной общественной работе, переизбираясь депутатом каждый созыв. И не даром депутат городского совета Константин Фёдорович Санкин, директор шахты, признался ему однажды:

- Вот тебя, Яровой, как депутата, жители хвалят, а меня только ругают!

ЧЕЛОВЕК - САМОРОДОК

(Рассказывает Павел Михайлович)

*«Повенчаны на жизнь порукой кровной
Крестьяне, сталевары, рыбаки.
И я, и вы - мы все из родословной
Зачислены по штату в мужики!»*

Виктор Савинков

Тесть у меня, Иван Захарович, был очень хороший. Мастеровой человек, делать умел практически все: дома строил, мастерил телеги и сани, кадки и лагуны для соления и домашней браги. Тогда водку-то было не купить, так делали домашнее пиво.

Однажды, в годы войны, нанялся он подработать на хлебозаводе по заготовке дров. Вдвоём с двенадцатилетним сыном напилили десять кубометров дров, это за один неполный рабочий день! Вышло начальство, удивляется:

- Как такое возможно?! До этого больше четырёх кубов никто не мог сделать. А вы десять!

Глазам не поверили, стали перемеривать, чтобы самолично убедиться. Всё верно, против математики не попрёшь, в аккурат десять кубометров! Заплатили по справедливости, что положено, что-то около 150 рублей, в придачу две булки хлеба дали, да кроме того покормили работников два раза: перед работой и после окончания. А это в военные годы большой наградой было.

Так вот, в той Рязанской области, откуда тесть родом, он считался специалистом по заготовке леса и мастером по изготовлению клёпок из древесины по заказу заводчика-англичанина. Кстати, а вы знаете, что это такое клёпки? Так это же основные детали, с помощью которых после сборки получается кадка или бочка.

Англичане ценили высокое качество его работы, и закупали у него товар без каких-либо претензий. Делал он этих клёпок больше всех и лучше всех. Тесть не без гордости рассказывал, что подарил ему англичанин пилу, с которой с тех пор не расставался и берег её как зеницу ока! Здесь, в Прокопьевске, предлагали Ивану Захаровичу пятнадцать рублей за неё, а в магазине тогда самые лучшие пилы стоили полтора-два рубля. Конечно же, деньгами дед не прельстился. Хранил её бережно: смазывал ружейным маслом, с обеих сторон прикладывал дощечки и связывал бечёвкой.

Привёз я однажды пятитонный самосвал дров - набрал их на горных отвалах. Послал сына к тестю за пилой. Но дед никому в руки пилу не доверял, и в этот раз не дал пилы внуку, но на словах передал:

- Я сам приду и помогу пилить!

Приходит и первым делом переделывает «козлы». Не терпит, когда приспособление для работы некачественное: ножки «козла» разные по высоте, шатаются.

- «Козлы» должны стоять прочно, иначе не работа будет, а мучение.

Затем осмотрел дрова и командует:

- Неси старый топор и тряпки! И замерь длину топки, чтобы поленья входили в печь без проблем!

И вот ведь какое дело - вроде бы простая это вещь: протереть тряпкой древесину в месте запила, и сделать топором зарубку, но зато как это сказывается на производительности! И пила дедова не пилит, а звенит, трелью поёт!

Попилили мы, уступил инструмент мне с сыном. Смотрит на нашу работу тесть и учит:

- Что ж вы так пилите? Всё ваше тело крутится, словно на шарнирах! Так вы быстро устанете. Одни руки

только должны ходить за пилой, и всё! Сами почувствуете, как легко пойдёт работа.

Сосед мимо проходит:

- Паша! Что это у тебя за пила такая? С колокольчиками что ли?

Следом другой сосед, забойщик нашей шахты Николай Шаравин подходит, умоляюще просит:

- Дедушка! Дайте и мне порезать!

Поработав немного, говорит восхищённо:

- Да разве ж это пила? Это же игрушка - играючи пилит!

Но однажды и тестю довелось ко мне с просьбой обратиться:

- Павлик, помоги дрова попилить!

- Что за дрова, откуда?

Оказывается, в очередной завоз лесного материала на склад шахты, вместе с крепёжным лесом попал нестандартный ствол лиственницы: длиной метров восемь, диаметром в комле больше метра. В пилораму такой ствол не входит по габаритам. Только мешает работе, перекрыл всю территорию лесосклада: не пройти не проехать. Мастер просит тракториста:

- Вывези эту лесину с глаз долой! Хоть в канаву сбрось, но чтобы на складе больше не мешалась!

Зацепил тракторист лесину, тянет по посёлку и предлагает жителям забрать на дрова. Только желающих не находится. Тесть же мой не боится работы, сговорился за 10 рублей и попросил затянуть эту лесину на край огорода.

Пришёл я к тестю, обошёл вокруг могучее дерево и думаю про себя: «Как же это мы с ним справимся?»

А тесть, оказывается, уже все рассчитал. Подвели мы под эту лесину покоты (небольшие брёвна, чтобы лесина

не касалась земли), надёжно закрепили, чтобы при работе не качалась из стороны в сторону. Потом только принёс Иван Захарович свою заветную пилу.

Тёща говорит:

- Неугомонный! Он же весь день пилу точил!

Отточил так, что зубья пилы строго одной высоты и развод выдержан по всей длине.

Начали мы с ним работать. Кстати сказать, для облегчения работы мой тесть заготовил ведро воды, чтобы поливать кружкой в распил – легче пиле ходить.

И даже самому не верится, но распилили мы эту «деревяшку» за день! Получилось множество чурок одинаковой длины, такой, что при раскалывании топором поленья оказываются одинакового размера.

Он на другой день все эти круги сложил аккуратно вдоль забора. А потом постепенно поколол на дрова. И хватило ему этих дров на несколько лет!

Когда старики состарились, то младшая дочь пригласила их к себе, в Волгоградскую область. Жила её семья метрах в двухстах от Цимлянского моря.

Дед и здесь без дерева не страдал, хотя с лесом у населения здешних мест проблема. Тесть занялся «рыбалкой»: привязал железный крюк к веревке, и стал этот крюк в море забрасывать и по берегу ходить взад-вперёд. Крюком всё, что зацепится, на берег вытаскивал. И коряг всевозможных натаскал, и море почистил!

Десятка три стальных клина было у тестя, и он знал, какой сук каким клином сподручнее разбить. И ограда была огорожена за счёт этого. Ни у кого дров нет, а у него целый двор дров.

Но тянуло стариков назад, домой - в Сибирь. Пишет мне слёзное письмо: «Павлик, прими нас, пожалуйста! Здешний климат нам не подходит».

Я их принял, встретил на вокзале. Жили они у меня месяца полтора. Болеют старики, смену климата тяжело переносят, к тому ж пища другая. Началось расстройство желудка, а туалет на улице. Замучились совсем, просят: «Давай, Павлик, найдем нам дом». Купили им домик на посёлке «Восточный».

Очень долго нездоровилось Ивану Захаровичу, пришёл он однажды на приём к врачу:

- Пропишите мне порошок, чтобы заснуть и не проснуться! Я уже и с женой попрощался, мы с ней помолились. Устал я жить, да тут ещё эта болезнь привязалась, будь она неладна. Да и хватит уже, пожил достаточно на белом свете, мне уже 83 года!

- Да не дам я вам никакого порошка! Что это вы, дедушка, надумали! Лечить вас будем!

Стала врач лечить его. И дед поправился! И после того еще пятнадцать лет прожил, внуков дождался. Умер Иван Захарович в возрасте 97 лет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ

*«В память ясные дни обернуться,
Я за то благодарен судьбе,
Что всей жизнью сумел прикоснуться,
Пролетарская лига, к тебе!»*

Виктор Савинков

В 1980 году пришлось Яровому возглавить совет ветеранов шахты. Был он уже на пенсии, но продолжал трудиться на шахте крепильщиком. В это время по трагической случайности погиб председатель совета ветеранов шахты Николай Михайлович Кузьмин

Парторг шахты Николай Лаврентьевич Черноморов предложил Павлу Михайловичу, как активному члену совета, возглавить этот участок работы.

Не хотелось Яровому брать на себя такую обузу. Надо же не видимость работы создавать, а фактически жить делами и заботами сотен ветеранов. Опять же домашние не одобряют его активной общественной деятельности. Мечтал пожить спокойно, как говорится, для себя. Отказывался, убеждал, что не справится из-за отсутствия опыта работы. Напомнил, что живет в отдалённом посёлке «Ясная Поляна», а дома у него нет даже телефона. А какая может быть работа без телефонной связи?

В общем, искал уважительную причину, чтобы отказаться. Но парторг не стал принимать отговорок, да и умел уговаривать людей, внушить уверенность, поверить в собственные силы. Сказал:

- Не боги горшки обжигают. Будет желание работать - всему научишься. А телефон не проблема. Завтра же установим. Моё предложение воспринимай не как просьбу, а как важное партийное поручение.

Для Павла Михайловича, члена КПСС с 1947 года, слова парторга прозвучали как приказ. Согласился, тем более что на следующий день действительно установили обещанный телефон.

Яровому, как новому председателю, было много наказов с пожеланием, чтобы совет ветеранов сохранил позицию лучшей ветеранской организации в городе, как это было при Иване Михайловиче Кузьмине.

Можно с полной уверенностью сказать, что данное пожелание было выполнено: на протяжении всех лет «его правления» совет ветеранов «Центральной» сохранял неофициальное лидерство.

Прошло несколько лет, и Павел Михайлович решил, что пора полностью посвятить себя работе в ветеранской организации и вышел, как говорится, на заслуженный отдых. Хотя фактически работа на шахте не прекратилась с выходом на пенсию, а напротив, теперь уже в совершенно новом качестве - освобожденным председателем совета ветеранов. Его многолетняя работа получила должную оценку, в доказательство этому - заметка, опубликованная 8 сентября 1988 года в шахтовой многотиражной газеты «В бой за уголь»:

ПРЕДАННОСТЬ ШАХТЕ

Павел Михайлович Яровой, машинист насосных установок участка профилактики, уходит на заслуженный отдых. В его трудовой книжке имеется вкладыш. Записи о служебных перемещениях за все годы работы вполне умещаются в одной книжке, но для многочисленных благодарностей и наград места не хватило, вот и пришлось обзавестись вкладышем.

Сорок лет работы на одном предприятии - целая жизнь. 12 апреля 1948 года впервые пришел на шахту, выучился на машиниста проходческого комбайна. Затем, после окончания годичных курсов узкой специализации Прокопьевского горного техникума, работал горным мастером, монтажником щитовых перекрытий, забойщиком и снова горным мастером, более десяти лет работал мастером-взрывником.

Товарищи, которые работали вместе с ним, всегда отмечали его высокую ответственность за свое дело. Это человек неутомимой энергии и деятельности, спокойный по своей натуре. Для него не существует понятия - завершение работы. Сделав свое дело, он обязательно поможет товарищам. Если до конца смены

остается время, значит можно посланцевать выработку, заготовить лес для новой смены, почистить пути под погрузочным пунктом.

Но особенно отличает его глубокая вера в людей, желание поделиться с ними мыслями, сделать для них что-то такое, от чего бы жизнь стала светлее. Вот поэтому, наверное, его много лет подряд избирают председателем совета ветеранов войны и труда шахты.

Есть чем поделиться Павлу Михайловичу, о чём рассказать. Взять хотя бы его фронтовой путь: бои на Карельском фронте, освобождение Венгрии, Австрии и Чехословакии.

Грустно расставаться с родным коллективом старому горняку, полному кавалеру знака «Шахтёрская Слава», орденоносцу «Знак Почёта», и Трудового Красного Знамени, награждённого многими боевыми наградами. Поэтому оставлять родное предприятие Павел Михайлович не думает, потому что много работы в совете ветеранов, в партийной организации по воспитанию молодых коммунистов.

Желаем вам, Павел Михайлович, крепкого здоровья на долгие годы! Уверены, что вы ещё много полезного сделаете для коллектива своей шахты.

Партком, профком, администрация.

И проработал Яровой председателем совета ветеранов шахты «Центральная» 26 лет. Шестнадцать до и десять лет после того, как шахта была закрыта. Работы всегда было очень много.

Совет ветеранов оказывал большую помощь шахте в выполнении государственного плана, в учёбе молодых рабочих, их воспитании. Большую воспитательную работу совет проводил в подшефных школах № 3, №29 и в

ГПТУ №41. Совет ветеранов оказывал помощь в подшефных колхозах и совхозах на уборке урожая в селе Лучшево.

А шахта оказывала помощь своим ветеранам по доставке угля и дров, выделяла бесплатные путёвки в профилакторий, оказывала материальную помощь.

Совет ветеранов с большой ответственностью старался выполнить все поручения администрации шахты. И отзывы о работе совета ветеранов были только хорошие.

В совете ветеранов шахты «Центральная» работали прекрасные люди. Был создан авторитетный президиум, в котором было два бывших директора шахты - Николай Иванович Нечаев и Иван Ефимович Стахеев, заслуженный врач РСФСР Николай Яковлевич Катюхин, его жена кандидат исторических наук Александра Васильевна Краснова, заместитель председателя шахткома шахты «Черная Гора» Илларион Егорович Горянкин. Только добрые слова можно сказать о Германе Алексеевиче Калежирине, Елене Андреевне Горошко и о многих других.

Все помогали и очень много дельного советовали своему председателю. К примеру, Иван Ефимович Стахеев нередко говорил:

- Ты, Павел, вот так сделай, вот так поступи...

Многому от него набрался Яровой по организации работы. Сам Иван Ефимович общался с людьми просто, читал лекции. Кстати, у него был лучший мичуринский участок. У него и у бессменного на протяжении двадцати лет секретаря совета Мысякина Александра Алексеевича, в проводимых смотрах-конкурсах на лучший участок, они всегда были в числе лучших.

Много лет шла работа председателя, как говорится, чисто на общественных правах. Но однажды вызвал директор Павла Михайловича и сообщил о том, что, придавая большое значение работе с пенсионерами, администрация шахты приняла решение установить ему оклад - двести рублей. И добавил:

- Решай, Павел Михайлович, все вопросы, связанные с нуждами наших ветеранов, по обеспечению дровами, углём, а если потребуются средства на поощрение, то приходи, будем решать вместе!

Шахта в пору своей деятельности исправно снабжала своих ветеранов углём, и жалоб на доставку угля практически не было. За редким исключением. К примеру, приходит однажды ветеран, и сетует:

- Целый день прождал, а мне так и не привезли уголь!

Яровой зашёл к директору шахты Николаю Андреевичу Новикову, а тот тут же вызвал ответственного за погрузку. На другой день вопрос был решен, уголь привезли хорошего качества. Правда, потом Павлу Михайловичу заведующая погрузочным пунктом всё же выговорила:

- Ты уж сразу жаловаться!

Ветеранская организация были на шахте как бы дополнительным, тринадцатым участком: ветераны помогали в уборке урожая, заготовке сена, постройке ферм в совхозе, воспитании прогульщиков и пьяниц, участвовали в шефской работе, рекультивации поверхности.

Бывало, заместитель директора по хозяйственной деятельности и быту Иван Андреевич Колосов обращается к Яровому:

- Павел, помоги – скосили 15 гектар сена, и переживаю: а что если погода испортится, что тогда будет? Надо срочно соскирдовать.

Ветераны не могут как попало работать: если стог метать, смечут так, что это будет настоящий стог! Сверху хлысты березовые уложат, чтобы ветром сено не растрепало.

Приезжает вечером Колосов на поле, доволен:

- Это вы уже двенадцать копен поставили? Молодцы, ветераны. А кто это там, в тени деревьев, голый лежит, загорает?!

На уборку сена вместе с ветеранами итээровцы прибыли. Для них же выезд на поле скорее отдых от основной работы.

Минут через пятнадцать слышится, как отчитывает: «Так это вы на ветеранов надеетесь, прохлаждаетесь? Так знайте же, что в автобусе ветераны занимают сидения. А вы как хотите, хоть пешком!»

На следующий день вызывает директор председателя совета:

- Вы были на покосе? Давайте список на поощрение!

Ветераны гордятся тем, что озеленили целый посёлок за шахтой. Насаживали там облепиху и клёны. Сейчас здесь стоят зелёные рощи. А когда высаживали, почва была каменистая, долбили ломами лунки, потом, в течение месяца, носили воду, чтобы прижились насаждения. Все посадки прижились.

В период забастовочного движения совет ветеранов выказал своё отрицательное отношение, предупреждая, что этим ничего не добьёшься. Тяжёлый период: шахта не выполняла план, зарплата не выплачивалась по три, четыре месяца. В результате последующего акционирования угольное предприятие обанкротилось. И как итог -

ликвидация шахты, фактически сохранявшей статус одной из самых перспективных в городе.

Шахта прекратила существование, но пенсионеры внутренне оставаясь единым коллективом, не могли смириться с этим и по десятилетиями выверенному графику собирались каждый месяц - 15-го числа на своё собрание. И если помещение в актовом зале не давали, то проводили собрание в рабочей мойке, а в хорошую погоду могли провести просто на улице, как говорится, под открытым небом. Кстати, ветераны надеялись, что после продажи шахты получат свою долю. Однако ничего не получили: шахта оказалась должна многим предприятиям. И в итоге никакого дохода от продажи шахты не образовалось.

Ежегодно, 9 мая, ветераны собираются у монумента, воздвигнутого в память погибших горняков – шахтёров шахты № 3-3-бис («Центральная») на полях сражений Второй Отечественной войны, почтить их память.

Александр Алексеевич Мысякин (в центре), секретарь совета ветеранов «Центральная» на протяжении 20 лет, «правая рука» Ярового П.М.

Члены совета ветеранов в гостях у Павла Михайловича.

Обсуждение вопросов на заседаниях совета проходят бурно.

Ветераны партии, войны и труда у комбината шахты

Ветераны – активисты на приёме у Главы города

«НЕ ЗАБЫВАЙТЕ СТАРИКОВ...»

*«Седеют, старики, седеют,
Слабеют, но не их вина,
На мятых лацканах тускнеют
Военной славы ордена».*

Виктор Савинков

С Павлом Михайловичем Яровым случилось несчастье. Пошёл на почту заплатить за электроэнергию, упал и сломал шейку правого бедра. Повредил то место, откуда, как говорится, ноги растут. Если бы был моложе, ему можно было бы провести операцию, и на месте перелома нарост бы хрящ. Но врач, который лечил Павла Михайловича, сказал: «Вы - пожилой человек. Операцию вам делать нельзя - вы её не выдержите. Придётся вам передвигаться на костылях. Больше лежите, отдыхайте, Но по возможности, даже на костылях, старайтесь больше двигаться».

И он постоянно в курсе дел родной ветеранской организации ликвидированной шахты «Центральная», поддерживает связь с товарищами.

В этот сложный период жизни и пришлось Павлу Михайловичу Яровому покинуть пост бессменного председателя совета ветеранов. Но он не пал духом, с достоинством переносит то, что не может изменить.

- Стараюсь больше двигаться, - говорит Павел Михайлович. - Каждый день выхожу на улицу. Сам иду в магазин, чтобы купить хлеб и молоко. За газетами хожу на почту, где у меня есть почтовый ящик. Директор почты предложила, чтобы почтальон мне приносил газеты прямо в квартиру, но я отказался. Нет, пока могу двигаться, всё буду делать сам. Дети меня не забывают, звонят каждый день, интересуются моим самочувстви-

ем. Подарили новый телефонный аппарат. Если надо, придут приготовить обед, приберут в квартире. Этим летом вывозили меня на своей машине на мичуринский участок, чтобы я сменил обстановку, подышал свежим воздухом. У меня два внука и три правнука - тоже в гости приходят. А из родного совета ветеранов звонят каждый день. Книги читаю. Сейчас перечитываю классику: Пушкина, Гоголя, Некрасова. Прочитал «Капитанскую дочку», «Ревизора».

Внуки советуют:

- Ты, дедушка, больше лежи и телевизор смотри!

- Но я не люблю лежать, бока мять. А по телевизору обычно только новости смотрю и старые кинокартины. Когда тоска нападает, сам себе говорю: «Ну, хватит, хватит. Взбодрись, чем-нибудь займи себя. Возьми смешную книгу, почитай». Так себя и поддерживаю. Я счастливый человек, обо мне помнят, мне звонят, меня навещают. Несколько лет назад, когда ещё был в силе, пришёл навестить больного товарища. Принёс ему в подарок рубашку. Он мне и говорит: «Паша, зачем мне рубашка, у меня что, рубашек нет? Лучше расскажи мне про шахту и про знакомых людей». Теперь эти слова друга я часто вспоминаю. Старому человеку дороже всего на свете простое человеческое внимание, сочувствие и доброе слово!

Уметь стареть - вершина человеческой мудрости и одна из труднейших сторон великого искусства жизни. Этим искусством владеют немногие. Пример жизни Ярового, чутко относившегося к проблемам пожилых людей, словно призыв ко всем нам:

-Не забывайте стариков, дарите им любовь и внимание. Гуманизм любого общества определяется тем, как граждане повседневно относятся к людям пенсионного

возраста. Народная мудрость гласит: как ты сегодня относишься к старикам, так же и к тебе будут относиться, когда ты сам постареешь!

Думается, вполне уместно завершить очерк словами нашего прокопьевского поэта Виктора Савинкова:

Войну прошедший, залечивший раны,
Российский парень, Павел Яровой,
Ты от фашизма города и страны
Освободил, рискуя головой.

На «Три–три–бисе» с углем перебои,
Былые звёзды славы не горят.
Закрыта шахта, но твои забои
О подвиге шахтёрском говорят.

Михалыч, жгут огнём под сердцем раны,
Но правдою наполнен жизни сквер.
Твою отвагу помнят ветераны,
И молодость с тебя берёт пример!

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Все мы родом из детства	5
Пути-дороги фронтовые	20
Домой! На побывку!	31
Шахтерское становление	43
Студент горного техникума	50
Командир младшего звена	54
Забойщик Курт	60
Работа до «сметрельной» усталости	62
Главное в жизни – семья	64
Народный депутат	76
Человек-самородок	82
Председатель совета ветеранов	86
«Не забывайте стариков...»	99

Виктор Иванович Давыдов

Документальная повесть
«КАЛЕЙДОСКОП ЖИЗНИ ПАВЛА ЯРОВОГО»

Редактор: Ткаченко Н.Н.

Подписано к печати: 6.04.2009 г.
Формат: 60x84/16 Усл. печ. листов 6,5.
Гарнитура: Таймс. Печать офсетная.
Заказ № 74, тираж 200 экз.

Дизайн обложки: Шмаков П.Л.,
Отпечатано: ОАО «Типография газеты
«Шахтёрская правда»
г. Прокопьевск, ул. Октябрьская, 11а.

...Вот и жизнь представлялась Павлу Михайловичу подобной калейдоскопу, картины которой складываются исходя из стечения жизненных обстоятельств, в силу характера, воли сложившейся личности.

...Наша жизнь, сознание и становление личности полностью зависят от людского сообщества, которое мы выбираем и которое окружает нас. Оглядываясь на пройденный жизненный путь, с благодарностью вспоминаем мы тех, чья поддержка на разных этапах жизни оказала на нас духовное влияние. Примером честного, чуткого отношения к товарищам по работе, бескорыстного служения тому делу, которое выполнял, являлся Павел Михайлович Яровой...

(от автора)